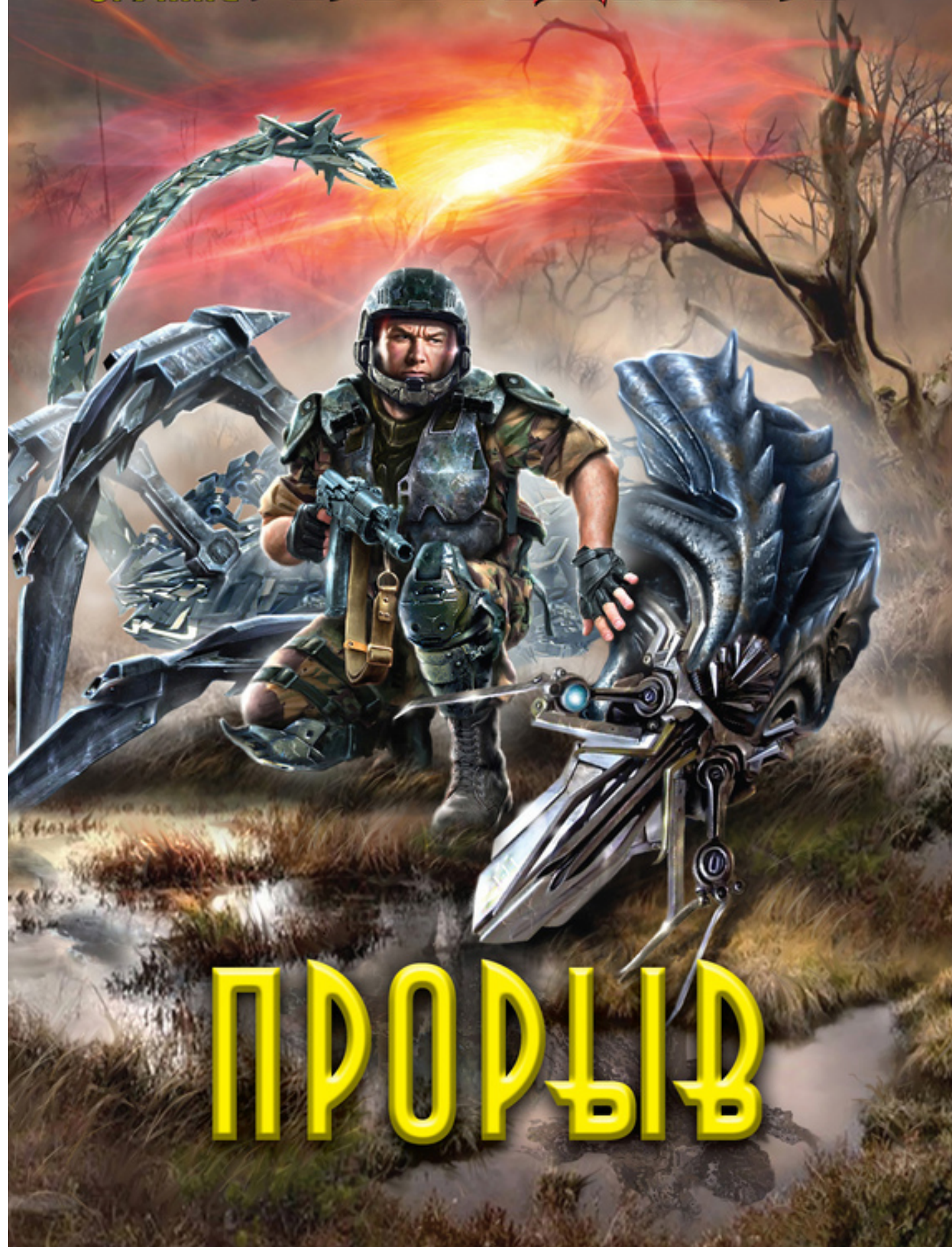

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ПРОРЫВ

Зона Смерти

Андрей Ливадный

Прорыв

«Автор»

2012

Ливадный А. Л.

Прорыв / А. Л. Ливадный — «Автор», 2012 — (Зона Смерти)

Много лет назад, в результате катастрофы, вызванной неудачным научным экспериментом, на территории России возникли огромные зоны отчуждения. От Внешнего мира их отделили почти непроницаемые энергетические Барьеры. За Барьерами не осталось ничего живого, зато процветают и бурно развиваются кошмарные порождения Техноса. И лишь мощная Барьерная армия противостоит натиску техногенных монстров. Но всегда находятся люди, готовые ради наживы вынести из-за Барьеров какую-нибудь смертоносную пакость. Один из таких людей – Станислав Радич, талантливый ученый, международный террорист и ставленник преступных корпораций. С какой целью Радич проникает за периметр одного из Барьеров, неизвестно, но ясно одно – ничего хорошего человечеству он оттуда не принесет. Если его, конечно, не остановит майор Барьерной армии Иван Шершнев...

© Ливадный А. Л., 2012

© Автор, 2012

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Ливадный

Прорыв

От автора
15 сентября 2051 года

Дата, разделившая историю нашей цивилизации на «до» и «после» величайшей техногенной катастрофы.

Несомненный прорыв в науке, первые испытания установки, формирующей гиперпространственные тоннели, обернулись для миллионов людей непредсказуемыми последствиями.

Результат испытаний привел к неуправляемому развитию процесса: образовалось пять устойчивых, не разрушающихся со временем пространственных червоточин.

На поверхности Земли образовались отчужденные пространства, изолированные Барьерами, внутри периметра которых погибло все живое, но неожиданный импульс в развитии получила техносфера.

Первые люди, проникшие через Барьеры, увидели пространства, подвергшиеся действию сил, не укладывающихся в рамки известных современной науке физических законов, столкнулись с порождениями стремительной кибернетической эволюции.

Пять отчужденных пространств стали не только точками проникновения в иные измерения, но и кладезем технологий, опережающих все самые смелые предположения о технике будущего. Микромашины, ставшие основой всех эволюционных изменений, приспособились к новым условиям: в результате всплывшего развития их колонии научились захватывать и «модифицировать» любой доступный носитель, будь то старая техника или человек.

Единственным фактором, ограничивающим их экспансию, являлся новый источник энергии, вкрапленный в кору нашей планеты первой пульсацией Узла (так ученые назвали червоточины, соединившиеся во внепространственную структуру).

После многих лет исследований стало понятно: излучение вещества, названного «скоргиум», является единственным источником питания для «изделий техноса». Любой изменившийся механизм или устройство, транспортированные во Внешний Мир, за периметр Барьеров, теряли функциональность, превращались в муляжи – сформировавшие их колонии микромашин переходили в состояние стазиса, и это обстоятельство стало единственным рубежом защиты нашей цивилизации от безудержной экспансии саморазвивающейся техносферы отчужденных пространств.

Однако за годы, прошедшие с момента катастрофы, за границы Барьеров проникли не только охотники за артефактами – в отчужденных пространствах образовались устойчивые группировки людей, инфицированных микромашинами. Они сумели выжить, остановить изменения, создать из микромашин полезные живленные устройства, но понимали: им уже никогда не вернуться назад во Внешний Мир.

Скоргиум и технологии устройств, зародившиеся в глубинах аномальных пространств, среди энергетических полей и металлической растительности, привлекли пристальное внимание корпораций Внешнего Мира.

К рубежу 2055 года стало понятно: тот, кто сможет добыть редкоземельный элемент и транспортировать его за границы Барьеров, без преувеличения обретет власть над миром, но необратимо изменит нашу планету.

В стремлении достичь вкраплений скоргиума (элемент мог существовать в стабильном состоянии только на большой глубине, при определенной температуре и давлении) пропали

многие, но трагический опыт никого не убеждал: специальные группы, подготовленные ведущими корпорациями Земли, не прекращали попыток добыть и транспортировать скоргиум за границы Барьеров, а многочисленные обитатели отчужденных пространств по разным причинам не желали вставать на их пути.

Мир балансировал на грани. В исследовательских центрах за границами Барьеров к этому времени скопились миллионы образцов измененных микромашинами устройств, не представлявших опасности без адекватного источника энергии, но все могло измениться в любой момент.

Охотники за технологиями не понимали: стоит дать порождениям кибернетической эволюции хотя бы один шанс, и они вырвутся на просторы планеты, необратимо изменят Землю, превратят ее в мрачное царство техносферы, где человеку уже не будет места.

Пролог

Дождь стеной.

Непогода сузила мир, оставив восприятию лишь толику реальности: стены близлежащих домов, покрытые щедрыми россыпями выщерблин от пуль, пространство перекрестка, разорванное по центру глубокой воронкой, погнутые трубы городских коммуникаций, вывороченные взрывом из-под земли, да пара обгоревших легковых машин, ржавеющих у подъезда искаженного пульсацией двухэтажного кирпичного здания.

Дождь усилился. Порывистый ветер, сменяя осеннюю хмарь, то налетал шквалом, то внезапно утихал, и в такие минуты было слышно, как упругие струи хлещут по гулким, ржавым корпусам машин, шелестят в зарослях металлокустарника, проросшего на nive покоренных труб.

Сталкер со стоном пошевелился. Под рукой твердыми катышками ощущалась щедрая россыпь остывших автоматных гильз. Он попытался привстать, но лишь разбудил задремавшую боль, разбередил раны, и кровь, смешиваясь с дождем, вновь начала стекать по выщербленным ступеням розовыми ручейками.

Им овладело чувство глобального, всеобъемлющего одиночества.

Стена дождя смыкалась все плотнее. Помутившийся взгляд бессильно цеплялся за очертания предметов, пытаясь удержать искру сознания. Беспмятство равносильно смерти. Он скрипнул зубами. Голова кружилась, мир погружался в багровые полутона боли, только побитый ржавчиной корпус баснословно дорогого концепт-кара промышленной группы «Рос-Авто» все еще оставался в фокусе восприятия.

Откуда он тут взялся? Взгляд сталкера скользнул по стенам близлежащих зданий. За мятущейся пеленой дождя виднелся темный провал выбитой витрины, глубже, в сумраке руин растеклось холодное сияние, источаемое дикой колонией скоргов, в тусклом неживом свете угадывались очертания десятков автомобилей. Одни из них еще сохранили мутный глянец заводской покраски, другие превратились в ржавую труху.

«Бывший автосалон...» – промелькнула блеклая мысль.

Метаболический имплант, загнанный в форс-режим, понемногу делал свое черное дело – боль постепенно отступала, возвращалась связность мышления, но становилось ли от этого легче?

Он чувствовал, как жизнь медленно, по капле покидает израненное тело. Шансов нет. Ближайшее энергополе в полукилometре, «сердце зверя»¹ полностью разряжено, а без энергии ослабевший от потери крови организм не справится с ранами. Метаболический имплант гнал микромашины по кровеносной системе, серебристые струпы зарубцовывали разорванную пулями плоть, но это лишь затягивало агонию.

И все же сталкер боролся до последнего. Концентрация воли привела к активации расширителя сознания, и перед мысленным взором за пеленой непогоды призрачными контурами вспыхнули энергетические матрицы: несколько механических тварей копошились в руинах, трое сталкеров шли своей дорогой, сейчас до них было метров пятьдесят, не больше, нужно лишь привстать, совершить усилие, шевельнуть потрескавшимися губами и...

Возможно, они услышат предсмертный зов, подойдут ближе, остановятся, кто-то из них, считывая данные с имплантированных сканеров, наверняка качнет головой: нет, не жилец... Остальные ничего ему не ответят, даже автомат не подберут – кому нужен морально и технически устаревший «калашников», практически бесполезный в схватке с исчадиями техносферы?

¹ «Сердце зверя» – артефактный накопитель энергии, основной источник питания для различных вживленных в организм сталкера устройств.

Постоят и уйдут дальше своей дорогой.

Глобальное одиночество.

Почему некоторые истины начинаешь понимать лишь на тонкой грани между жизнью и смертью?

Где-то неподалеку есть и другие люди, но ты все равно всегда один. Здесь, в отчужденных пространствах, каждый сталкер самодостаточен, он – сам себе цивилизация, у него есть все, чтобы эффективно выживать в нечеловеческих условиях, а большего и не нужно... до поры...

Многие скажут: так сложились судьбы. Оказавшись в мире, где безраздельно властвует технос, человек быстро и необратимо меняется, тонкий налет «цивилизованности» сползает с него, как змеиная кожа, все условности остаются за Барьером², а тут, в каждый миг осознанного существования, есть ты и есть порождения техносферы, которым вообще невдомек, что в субъективном мире людей существуют какие-то там законы или моральные ценности...

На тонкой зыбкой грани между жизнью и смертью, когда лишь работа метаболического импланта, пережигаящего последние ресурсы организма, поддерживает искру сознания, вдруг остро начинаешь понимать: борьба, которую вел, постепенно уничтожила нечто уникальное, превратив былые порывы души в циничную смесь холодного расчета, дерзких амбиций, презрения к любым проявлениям слабости.

Сообщество сталкеров... Он слабо усмехнулся в ответ навалившемуся одиночеству. Крутые парни, презирающие опасность, одиночки по жизни, бесстрашные, но замкнутые в себе, редко протягивающие руку помощи себе подобному, полные амбиций, нашпигованные имплантами – сейчас все это вдруг показалось фарсом. Еще пару часов назад он был таким же – сильным, энергичным, самоуверенным, а теперь, когда его вселенная вот-вот угаснет, истает на губах последним вздохом, что он мог вспомнить, оглядываясь назад?

Какой-то особо удачный выстрел? Число уничтоженных исчадий техноса? Количество денег, полученных за техноартефакты?

Да, конечно. Но почему так пусто внутри? Почему не согревает душу приведенный мысленный счет побед? Почему невозможно вспомнить ни одного человеческого лица, все греются какие-то смутные, безликие силуэты?

Он оскалился, скулы обтянуло кожей. «Я выживал... проходил мимо других, и вот сегодня настал мой черед, так что же теперь?

Нечего вспомнить? Некого позвать, так, чтобы откликнулся сразу, наверняка, без лишних разговоров?

Да, некого. И точка».

Оказывается, упрощенный смысл жизни, когда все сведено к проблеме сиюминутного выживания, не оставляет места для поступков, о которых можно было бы вспомнить сейчас, за секунду до наступления абсолютного всепоглощающего мрака.

Дождь стеной.

Катышки автоматных гильз под слабеющими пальцами.

... Три фигуры внезапно свернули в сторону руин двухэтажного здания.

Сталкер не звал их, но угасающее сознание уже не контролировало импланты – видимо, чип мью-фона, по-своему интерпретируя предсмертную активность мозга, транслировал в сеть какие-то сигналы.

Три массивные фигуры в тяжелой, оснащенной сервоусилителями броне, покрытой слоем активного пластика, защищающего от скоргов³, появились в поле зрения. Дымчатые забрала их боевых шлемов были подняты, позволяя рассмотреть незнакомые лица.

– Не жилец... – произнес один из них.

² Барьер – гравитационная аномалия, расположенная по периметру отчужденного пространства.

³ Скорги – сленговое название эволюционировавших наномашин.

– Отсканируй конфигурацию его имплантов, – холодно, без сочувствия приказал второй. Третий участия в разговоре не принимал, он контролировал окружающую обстановку.

Неприятное ощущение щекотливого покалывания, пробежавшее по местам соединения имплантов с нервной системой, на миг заглушило боль.

– Мнемотехник? – поинтересовался первый.

– Да, – скупно и односложно ответил второй.

– Нам подойдет?

– По конфигурации имплантов я бы не сказал, что он мастер. Скорее ремесленник.

– Все равно – забираем. – Первый принял решение. – На начальном этапе нам мастера ни к чему. А этот подойдет.

– Как скажешь. – Второй не стал спорить, присел, собираясь сделать инъекцию.

Сталкер не ожидал такой развязки. Он видел лица, но не узнавал их. Одинаковая экипировка незнакомцев говорила, что они пришлые. Он попытался привстать, но в следующий миг ощутил, как сознание гаснет, погружаясь в блаженное тепло и...

...С чавканьем открылась каплевидная крышка, в глаза ударил свет, чьи-то руки споро-висто, деловито принялись отлеплять датчики от обнаженного тела.

Резко пахло чем-то медицинским.

На белоснежной стене, в поле расплывчатого зрения выделяется эмблема: земной шар, окруженный нитями орбит.

«Лаборатория военно-космических сил», – услужливо подсказала память.

– Ну, – голос капитана Завьялова (в армии все имеют звания, даже научный персонал) прорывался издали, с трудом проникал в рассудок, – как себя чувствуете?

– Порядок. – Он ухватился за борта похожего на саркофаг спецкомплекса, сел.

Дождь стеной. Чужие мысли запутались в голове.

Поднятое забрало гермошлема. Лицо, вырванное из прошлого...

– Капитан?

Завьялов обернулся.

– Минуту терпения. Сейчас станет легче. Я вижу, вы стойко перенесли раздвоение личности.

– Неужели через подключение к мью-фонной сети можно вот так запросто читать мысли? Профессор отрицательно покачал головой.

– Нам редко удается получить и дешифровать связные, последовательные мысленные образы, сгенерированные в сеть расширителем сознания, – признался он. – Вообще-то большинство сталкеров, за исключением некоторых мнемотехников, даже не подозревают, что их импланты транслируют в сеть данные, снятые на подсознательном уровне. М-связь, как вы знаете, разрабатывалась для реализации мысленного интерфейса управления машинами, так что с технической точки зрения в приеме «мыслеобразов» нет ничего необычного.

– Но катастрофа и мутация наномашинных комплексов изменили и сами чипы, и мью-фонную сеть!

– Да, верно. Не следует забывать – чипы М-связи адаптивны. Работая в контакте с человеческим мозгом, они используют разработанные еще до катастрофы алгоритмы распознавания и передачи мысленных образов.

– А общее информационное поле техноса?

– Оно пока недоступно для понимания, – развел руками Завьялов.

– Ясно. Я уже могу встать?

– Да.

– Один вопрос, капитан. Что-то известно о судьбе сталкера? Он выжил?

– Не знаю, – пожал плечами Завьялов. – Нам даже имя его неизвестно. Трудно сказать, что произошло впоследствии.

– А как же уникальный маркер мью-фона? Разве его невозможно отследить?

– Теоретически. На практике все очень сложно. Агрессивная среда отчужденных пространств не позволяет использовать стационарные комплексы слежения. Пульсации уничтожают оборудование, скорги преодолевают защиту и захватывают наши устройства, энергополя создают помехи, в общем, проблем хватает.

– Но эту запись как-то получили?

Завьялов медлил с ответом, и майор, потянувшись за одеждой, заметил:

– У меня сплошной допуск.

– Да, я знаю. Но к чему вам технические подробности?

– Хочу понять, почему мне не показали видеoversию? Зачем такие сложности? – Он кивком указал на спецкомплекс.

– Специфика М-связи. Чип сам по себе – обыкновенное приемопередающее устройство. Когда мью-фон имплантирован человеку, источником формирования сигнала служит мозг. По периметру Барьеров установлены специальные станции. В зоны отчуждения проложены кабели. Таким образом, мы соединяемся с сетью сталкеров. Информация записывается в модули искусственной нейросети. – Он демонстративно извлек из гнезда длинную планку с нейрочипами. – Но данные с такого носителя способен дешифровать только человеческий рассудок. Этим сеть сталкеров и отличается от информационного поля техноса. Они разделились, произошла техническая мутация.

– Но точки соприкосновения остались? Иначе каким образом мнемотехники воздействуют на эволюционировавшие машины?

– Естественно, ведь М-связь и разрабатывалась для управления машинами через интерфейс мысленных команд, – вновь напомнил Завьялов. – Но проблема в том, что наномашинные комплексы разных специализаций перемешались между собой, создали совершенно новые агломерации и в конечном итоге эволюционировали. Мнемотехникам приходится подбирать индивидуальный ключ к каждому «изделию», а ситуация чаще всего отводит на это секунды, не более. – Завьялов, похоже, начал развивать свою любимую тему, его речь стала взволнованной и немного сбивчивой. – Бытует мнение, что любой сталкер способен управлять техносом, но это не так. Современные чипы позволяют оперировать сотнями командных последовательностей, но этого мало. Нужно обладать устойчивой психикой, чтобы установить контакт с эволюционировавшей машиной, железной волей, чтобы удержать концентрацию мысленных усилий, обладать развитым логическим мышлением для мгновенной идентификации структуры управляющей колонии наномашин и, наконец, воздействовать на скоргов, используя элементарные команды, единственно верные из миллионов доступных сочетаний, иначе результат будет неадекватен первоначальному замыслу. Поверьте, перечисленным сочетанием качеств обладают единицы...

– Спасибо, капитан. В общих чертах ситуация мне понятна, а углубляться в изучение проблемы сейчас нет времени. Последний вопрос: оказавшись там, используя чип мью-фона, я смогу определить местонахождение сталкера?

– Да, если он включен в сеть. Но большинство сталкеров предпочитают подключаться к сети эпизодически, по мере возникновения необходимости.

– Других вариантов нет?

– Чип мью-фона можно зафиксировать при помощи датчиков БСК⁴, но при этом объект должен находиться в зоне эффективного сканирования, то есть на удалении в сто, максимум сто пятьдесят метров. – Завьялов заинтересованно взглянул на майора. – А вы действительно собираетесь в отчужденные пространства? Без специальной подготовки?

– Еще не знаю, – уклончиво ответил майор.

⁴ БСК – боевой сканирующий комплекс. Обычно монтируется в шлеме бронескафандра.

– Не рискуйте зря. По крайней мере подумайте, прежде чем принимать решение. Военных сталкеров готовят годами, и то при первом боевом выходе половина из них погибает. Необходимы длительные тренировки по специальным методикам, иначе психика попросту не выдержит.

– Не выдержит чего?

– Киборгизации восприятия, – лаконично ответил Завьялов. – И никакой «прежний опыт» там не поможет, – пристально взглянув на майора, неожиданно добавил он. – Я вижу, вы уверены в себе. Но за Барьером начинается иной мир, иная среда обитания, где завышенная самооценка убивает новичков быстрее, чем пуля.

– Я учту.

Дверь за майором закрылась.

Глава 1

Главное управление спецопераций

– Да не мельтеши, Федор Андреевич! Сядь уже! – Полковник Фирсов прекратил расхаживать по кабинету, остановился подле длинного Т-образного стола, отодвинул одно из кресел и сел, глядя на голографическую карту Евразии. Мутные купола Барьеров⁵, отсекающие аномальные пространства от Внешнего Мира, выглядели на ней как вздувшиеся, готовые вот-вот лопнуть нарывы.

Так оно, по сути, и есть. Гравитационные аномалии год за годом сдерживают эволюционировавший технос в границах зон отчуждения, они же гасят чудовищную энергию пульсаций, но сколько еще продлится существующее положение вещей, предсказать невозможно. Может быть, вечно, а может, следующая пульсация взорвет цивилизованный мир еще одной катастрофой?

– О чем задумался?

Фирсов перевел взгляд на генерала Новикова.

– Вы не понимаете специфики аномальных пространств! – с несвойственной резкостью произнес он. – Операцию следует поручить военным сталкерам!

– Я им не верю! – отрезал генерал. – Люди без принципов. – Он поморщился. – Да и люди ли они теперь, полковник? Ты за кого-то лично поручиться можешь? Что у них в голове после имплантации происходит? Кем они себя считают?

Фирсов насупился.

– Павел Денисович, зачем меня вызвали в качестве консультанта, если...

– Не ершишь! – резко одернул его генерал. – Лично к тебе *пока* претензий нет. Но непонятно, что за бардак тут у вас творится? Техноартефакты по всему миру расползаются, курьеры с грузами через Барьер снуют, сталкеров становится все больше, так что же мне прикажешь думать? Как относиться к коалиционным силам, если периметр зон отчуждения – что проходной двор?

Замечание генерала задело Фирсова за живое. Он злился, но возразить ничего не мог, только изо всех сил старался сдержать растущее раздражение. Фигура Новикова на фоне окна выглядела темной безликой глыбой, словно олицетворяла некую силу, решившую, что пора вмешаться, навести порядок.

«Много вас тут побывало, – продолжал неприязненно размышлять полковник. – Нашелся начальник. Об аномальных пространствах понятия не имеет, а все туда же – командовать. Сейчас наломает дров, а мне потом расхлебывай...»

Дверь кабинета бесшумно открылась, на пороге показался незнакомый майор.

– Разрешите войти?

– Заходи, присаживайся, – в голосе генерала проскользнули нотки тревожного ожидания. – Знакомься, полковник Фирсов, начальник отдела специальных операций Барьерной армии. Он консультирует нас.

– Майор Шершнева, – представился вновь прибывший.

– Запись просмотрел?

– Так точно.

– Что скажешь?

– Это он.

⁵ На самом деле гравитационные аномалии, именуемые «Барьерами», имеют сферическую форму, распространяясь в глубь земной коры, но при визуализации карт обычно воспроизводится их видимая над поверхностью рельефа часть, в виде полусфер тридцатикилометровой диаметра.

– Уверен?

– Вне сомнений.

Новиков насупился. Новость его явно не порадовала.

– О ком идет речь? – Фирсова откровенно злила складывающаяся ситуация. Не очень-то приятно чувствовать себя пятым колесом в телеге, да еще и движущейся в непонятном направлении.

– Минуту терпения. – Генерал Новиков коснулся сенсора, активируя голографический монитор.

В сфере объемного воспроизведения появилось изображение мужчины лет тридцати. Сухопарый, подтянутый, Фирсов внимательно рассматривал незнакомца, – лицо узкое, смугловатое, нос острый, губы тонкие, глаза карие, но их взгляд холодный, цепкий, отталкивающий. Полковник перебрал в памяти всех сколь-либо известных сталкеров, но очевидного совпадения внешности не нашел. Короткая армейская стрижка, из особых примет – чуть оттопыренные уши да едва приметная ямочка на подбородке.

– Я его не знаю, – в ответ на молчаливый вопрос генерала произнес Фирсов.

– Станислав Радич. – Новиков сцепил пальцы рук в замок, даже не глядя на голограмму. Очевидно, он знал фигуранта достаточно давно. – Гражданин России. Учился в Московском институте нанокриптоники, откуда в 2028 году был отчислен за разжигание межнациональной розни. Против него возбудили уголовное дело, но Радичу удалось вовремя ускользнуть за границу. В течение последующих десяти лет о нем не поступало никакой информации. Международные розыск результатов не дал. В 2038 году, в разгар локальных конфликтов, вызванных продовольственным кризисом и климатическими миграциями, Радич появился в Центральной Африке. Был активным участником незаконных вооруженных формирований, действовавших против сил ООН, в поле нашего зрения попал в ходе расследования гибели жителей двенадцати населенных пунктов, находившихся в зоне боевых действий. Как выяснилось, там проводились эксперименты на людях.

– Какого рода эксперименты? – Фирсов мгновенно насторожился.

– Испытания кибернетических имплантов и наномашинных комплексов, созданных зарубежными корпорациями, – сухо пояснил Новиков. – Запрещенные, нелегализованные образцы технологий, признанные на тот момент лежащими за гранью научной этики.

– Он ученый или боевик? – Фирсов искоса взглянул на объемное изображение. Обыкновенный парень. Таких миллионы...

– Радич начинал рядовым наемником. Всегда отличался особой жестокостью, признавая любые способы достижения поставленной цели. Он умен, циничен, равнодушен к каким-либо ценностям, кроме собственных убеждений. Деньги для него играют вторичную, я бы сказал – вспомогательную роль. Как удалось выяснить, за десять лет, пока о нем не поступало известий, Станислав завершил образование, некоторое время трудился на одну из западных корпораций. Сделал ряд открытий в области биокриптоники, опубликовал несколько статей в западных журналах, вызвавших скандал. Не получив заслуженного признания, он подвергся гонениям, был вынужден уйти из института биокриптоники, после чего подался на «вольные хлеба».

Фирсов внимательно слушал Новикова, изредка поглядывая в сторону Шершнева. Майор не проявлял особого интереса к словам генерала. Очевидно, история боевика-ученого ему была хорошо известна.

– В последующие годы Радич появлялся в различных горячих точках, в том числе и на территории сопредельных с Россией государств, – продолжил Новиков. – В результате спецопераций нами были ликвидированы полтора десятка подпольных исследовательских центров, разбросанных по всему миру. Станиславу каждый раз удавалось уйти, хотя из допроса пленных становилось ясно – он находился на объектах, подвергавшихся тотальной зачистке. В 2047-м Радич получил тяжелое ранение. – Новиков взглянул на Шершнева, но у того на

лице не дрогнул ни один мускул. Фирсов, перехватив красноречивый взгляд генерала, понял: именно Шершневу упустил террориста. Вероятно, счел его мертвым. «Со всяким бывает, – сочувственно подумал полковник. – Хотя для офицера спецназа ошибка серьезная».

– В сорок седьмом тело Радича не было найдено, хотя по предварительной информации он находился в оцепленном селении, – хмуρο продолжил генерал. – Некоторое время его считали мертвым, даже отправили дело в архив, но не так давно выяснилось, что Станислав выжил, продолжает работать на международную преступную группу, известную как «Техносиндикат», и даже занял высокое положение в иерархии транснациональной группировки. После катастрофы пятьдесят первого мы закономерно ожидали, что рано или поздно Радич появится в отчужденных пространствах, и не ошиблись.

– Кто источник информации? Насколько надежен ваш осведомитель? – сухо поинтересовался полковник Фирсов. По опыту работы со сталкерами он знал, как сложно добыть истинную информацию.

Новиков некоторое время хмурился, затем все же ответил:

– Станислав Радич опознан на записи мыслеобразов, сгенерированных в сеть расширителем сознания умирающего сталкера. Думаю, ошибка исключена. Радич не менял внешность, а запись мыслеобразов невозможно подделать или скорректировать. Мы получаем данные непосредственно из мью-фонной сети при помощи специальных станций, работающих на базе нейрокомпьютеров. Они контролируют М-связь, собирают отдельные факты, на их основе строят прогнозы событий. Нередко нейрокомпьютеры перехватывают обрывочные мысли сталкеров, спорадически транслируемые в сеть имплантами.

Фирсов задумался. Действительно, проблема серьезная, а источник получения информации вполне надежен. О станциях слежения за мью-фонными сетями он, естественно, знал, а скупой характеристики на Радича было достаточно, чтобы понять – его появление в отчужденных пространствах сулит серьезные проблемы.

– Почему именно разведывательное управление занимается разработкой?

Вопрос риторический, но Новиков все же ответил:

– Радич представляет угрозу национальной безопасности.

– Он имплантирован? – продолжал допытываться Фирсов.

– Неизвестно. На записи фигурируют три человека в одинаковой черной бронеэкипировке, без характерных признаков принадлежности к какой-либо из группировок сталкеров.

– Как в таком случае опознали Радича? – недоуменно переспросил полковник.

– У всех троих забрала боевых шлемов были подняты. Сталкер отчетливо видел их лица.

О чем говорят приведенные сведения?

– Без шлемов или с открытыми забралами в пространствах могут выжить только имплантированные сталкеры.

– И тем не менее он чист, – настаивал Новиков. – Умирающий сталкер являлся мнемотехником, – пояснил генерал. – Он бессознательно сканировал всех троих. Характерного излучения имплантов его расширитель сознания не зафиксировал.

– В таком случае импланты внешние, – уверенно предположил Фирсов.

– Поясните, – потребовал Новиков.

– Существуют устройства, при помощи которых человек способен некоторое время находиться в условиях агрессивной среды отчужденных пространств без серьезного вреда для здоровья, – осведомил его Фирсов. – Конечно, даже самым передовым образцам внешних приспособлений очень далеко до совершенства метаболических имплантов и расширителей сознания сталкеров, но все же с их помощью можно совершать короткие вылазки. Правда, стоимость

таких устройств не по карману «мотылькам» или «черным старателям»⁶, но, насколько я понимаю, Радич в состоянии позволить себе такую «роскошь»?

– Ну да... Внешние импланты... – презрительно фыркнул Новиков. – Аналог наших российских разработок?

Фирсов кивнул.

– Принцип устройств и их функциональные характеристики приблизительно схожи. Я имею в виду, что наши разработки и их западные аналоги действительно не сильно разнятся.

– Наши разработки... – Генерал скептически хмыкнул. – Не из-за них ли недавно была провалена операция по захвату комплекса «Страж»?⁷ – раздраженно уточнил он.

Фирсов побледнел.

– Наши устройства надежны! – утратив самоконтроль, запальчиво огрызнулся полковник. – Комплексы прошли все необходимые испытания! Существует лишь одно ограничение – внешние импланты нельзя использовать при прохождении через пространство Узла! Их необходимо экранировать специальными приспособлениями. Наш агент пренебрег элементарными правилами, за что и поплатился!

– То есть, если избегать гиперпространственных перемещений через Узел, внешние импланты плюс надежная экипировка обеспечивают полный комплекс защиты? – Новиков прищурился в ожидании ответа.

– Именно!

– Хорошо. – Генерал расцепил пальцы рук. – Очень хорошо! Что докладывает агентура по поводу деятельности техносиндиката?

Вопрос застал полковника Фирсова врасплох.

– Я не подчиняюсь разведывательному управлению, – напомнил он.

– С сегодняшнего дня отдел специальных операций переведен в мое подчинение. – Новиков мог бы сообщить новость и раньше, но предпочел сделать это именно сейчас, будто под дых саданул. – Вот приказ. – Он извлек из нагрудного кармана спецчип, щелчком пальца отправил его Фирсову. – Ознакомься.

Полковник поместил чип в гнездо на браслете личного нанокомпа, бегло просмотрел данные, нахмурился.

Действительно, приказ о переподчинении его отдела... Проклятье... Вот как теперь работать?..

– К делу, полковник. Времени у нас мало. – Тон генерала изменился, теперь он явно давал понять, что не потерпит пререканий либо недомолвок. – Так что сообщает агентура?

– В основном – слухи. – Фирсов сознательно сделал упор на сомнительности имеющихся данных. – Есть сведения, что корпорации Внешнего Мира затеяли масштабный эксперимент. Они хотят создать серию прототипов техники нового поколения, источником энергии для которой станет скоргиум, а в самих изделиях будут использованы технологии, заимствованные у эволюционировавших механизмов отчужденных пространств.

– То есть они рассчитывают выращивать образцы машин, используя колонии скоргов? – уточнил Новиков.

– Да, именно. – Фирсов, несмотря на предупреждение, вновь начал расхаживать по просторному кабинету.

– Вижу, в управлении спецопераций происходит элементарная недооценка степени и масштабов угрозы! – не выдержав, повысил тон генерал. – Скоргиум – серьезнейшая проблема! Мало того что в руки иностранных наемников попал аномальный элемент внеземной природы происхождения! Они сумели не только добыть его из глубин отчужденных пространств, но и

⁶ Сленговые обозначения неимплантированных охотников за техноартефактами.

⁷ События романа «Точка разлома».

сохранить от распада, что говорит об очень серьезной подготовке, о научных исследованиях, проведенных с привлечением огромных средств! Они проанализировали и учли опыт прошлых неудачных попыток и одними из первых добились успеха! – бушевал генерал.

– Небольшим количеством скоргиума на сегодняшний день располагает и Орден, но их исследования продвигаются крайне медленно, – заметил Фирсов, сбив негромким высказыванием всплеск «праведного гнева».

– Информация из Ордена нам доступна? – тут же поинтересовался Новиков.

– Да, они поддерживают условия соглашения, но прогресс в исследованиях пока невелик. Есть мнение, что корпорации продвинулись намного дальше в изучении образцов скоргиума. – Фирсов остановился у окна. – Я согласен: если будут созданы устройство, механизм, машина или того хуже – кибернетическая система, работающая на *извлеченном из вкрапленной скоргиуме*, то уже ничто не мешает техносиндикату вывезти созданное изделие за границы Барьеров, – мрачно произнес он.

– Если образец извлечен на поверхность... – начал генерал, но Фирсов прервал его протестующим жестом.

– Скоргиум разрушается, превращаясь в кристаллическую массу, лишенную уникальных свойств, при попытках транспортировки образцов на поверхность, – пояснил он. – Создание специального защитного контейнера, внутри которого поддерживаются нужное давление и температура, стало первым шагом для успешной добычи образцов аномального элемента. Но имеющиеся защитные устройства работают только в отчужденных пространствах. Транспортировать скоргиум за Барьер пока не удалось.

– Таким образом, налицо главная опасность, – выслушав его, подытожил генерал. – Вероятный экспорт энергоносителя, его неконтролируемое использование во Внешнем Мире, что неизбежно приведет к экспансии техноса за границы отчужденных пространств! Создание защитной капсулы для скоргиума – задача, достойная Радича.

– Мы бы заметили появление новых энергополей.

– Если только эксперименты не проводятся в границах уже существующего энергополя, маскируя аномалии, возникающие при изучении извлеченного на поверхность образца.

– В границах энергополей велика концентрация изделий техноса. Там невозможно спокойно работать.

Новиков с досадой кивнул. Он изучил вопрос и понимал, о чем говорит Фирсов. Эволюционировавший технос зависим от энергополей. Создать базу в границах «энергетического пастбища» действительно проблематично.

– Шепетов на связь выходил? – Генерал мрачнел по мере накопления безответных вопросов.

– В последние две недели – нет.

– Он что, в сталкеры решил податься? – осуждающе спросил Новиков. – Как такое могло произойти? Боевой генерал продался Ордену?! Может, они его уже и в очередь на имплантацию поставили?

– Связь с Шепетовым доступна по четвертому каналу, через спецкомплекс адаптеров мью-фонной сети. – Фирсов кивнул в сторону упомянутой аппаратуры, которую заметил в кабинете Новикова. – Если есть вопросы к генералу, спросите у него лично.

Наступила неловкая пауза.

– Ладно. С этим я сам разберусь. Давай, полковник, соберись, мне нужно твое компетентное мнение. Радича видели в Пустоши. Исходя из всего сказанного понятно: он не имплантирован, пользуется подключаемыми модулями поддержания жизни и расширения сознания, то есть вынужден избегать «зоны тамбура»⁸. Его деятельность ограничена пространством

⁸ «Зона тамбура» – геометрический центр отчужденного пространства. Точка доступа к сети гипертоннелей.

Пустоши. Значит, именно там расположена крупная база синдиката. А это, в свою очередь, – каналы снабжения, поставка материалов, проводка групп через периметр Барьера. Твоя епархия. Что скажешь?

Фирсов заставил себя успокоиться, вновь сел в кресло.

– Крупных баз синдиката до последнего времени в Пустоши не существовало. Признаков ее организации также не зафиксировано. Спутниковый мониторинг территорий эффекта пока не дал. Есть сведения от сталкеров. Синдикат действительно активизировал деятельность, но не только в Пустоши – во всех пяти отчужденных пространствах. У меня есть информация, что им требуются специалисты по работе со скоргами. Попытка внедрения наших агентов под видом вольных мнемотехников провалилась. Техносиндикат уже не раз обжигался, и сейчас его эмиссары действуют крайне осторожно. Сталкеров, изъявивших желание стать наемниками, тщательно проверяют, отвергнутые кандидатуры, как правило, исчезают бесследно.

– То есть мы не располагаем проверенными данными?

– Мои люди ищут базу.

– Этого мало!

– Правильно мотивированный сталкер способен в одиночку собрать информации больше, чем поступает от спутников, – заметил Фирсов.

– Нет! Я уже сказал: сталкерам доверять нельзя! – мгновенно взъярился Новиков. – Речь идет об интересах государства! Почему до сих пор не прочесали Пустошь силами военных?!

Фирсов непроизвольно поморщился. Протянув руку, он коснулся голографического изображения одного из Барьеров, и тот вдруг начал укрупняться, затем в пространстве голографической модели появилось максимально детализированное изображение рельефа Пустоши.

С высоты птичьего полета местность выглядела как сплошное сплетение металлической проволоки, по большей части хаотичное, лишь кое-где уплотняющееся в структуру так называемых городищ.

– Это Пустошь. Кроме металлорастений, – он включил лазерную указку, очертил ею некоторые упорядоченные структуры, – на территории аномального пространства расположены тысячи построек техноса. Многоуровневые сооружения по большей части покинуты, но их прочесывание – пустая трата времени. Созданная техносом инфраструктура надземных дорог и подземных тоннелей, связывающих городища, до сих пор даже не картографирована! Войсковая операция обернется жертвами и вспугнет синдикат. Затеряться в Пустоши просто, а вот отыскать точку базирования наемников – крайне сложно. Если мы начнем действовать грубо – лабораторию свернут, и не исключено, что она появится где-нибудь в странах третьего мира, уже за границами Барьеров.

– Ладно. Убедил. – Новиков не стал протестовать, словно проверял Фирсова на вменяемость. – С войсковой операцией повременим. – Он обернулся к майору. – Иван, ты пока свободен.

Шершневу молча встал и вышел.

Когда дверь за ним закрылась, Новиков произнес:

– Он отыщет базу наемников.

– Каким образом? – насупился Фирсов.

– Под видом сталкера-одиночки он проникнет в пространство Пустоши.

– Это неоправданный риск. Он погибнет, – отрезал полковник. – Для эффективной работы в отчужденном пространстве нужна специальная подготовка.

– Хватит уже поучать меня! – вновь вспылал генерал. – Твои люди *уже* не справились! Мотивация сталкеров для меня весьма сомнительна. А Шершневу – человек системы. Нашей системы. Он опытный, подготовленный офицер, способный провести автономный поиск!

Фирсов хотел что-то возразить, но передумал. Если вопрос поставлен таким образом, то Новиков от намеченной операции не откажется. Говорить ему о плотности строений техноса и

бесчисленных опасностях, которыми буквально пропитан каждый квадратный метр отчужденных пространств, сейчас бессмысленно. Генерал либо адекватно оценил угрозу, либо решил действовать нахрапом, и тогда его ставленнику не позавидуешь...

– Радич крайне опасен, – продолжал развивать свою мысль генерал. – Он прекрасно умеет манипулировать людьми, для достижения цели использует любые средства. Жесток, циничен, умен. Прекрасно подготовлен. В совершенстве владеет многими видами оружия. За ним стоит финансовая мощь транснациональных корпораций. Он не перекупщик, не рядовой агент и не охотник за артефактами. Появление Станислава означает, что корпорации затеяли что-то очень серьезное.

– Дайте мне пару недель, – произнес Фирсов. – Насколько я понял, интересам государственной безопасности в полной мере отвечает ликвидация Радича, верно?

– Федор Андреевич, ты меня разочаровываешь. – Новиков укоризненно покачал головой. – Нам прежде всего нужна информация! Повторяю: затевается что-то очень серьезное! Мы должны не просто отыскать и уничтожить лабораторию, необходимо изъять все материалы, касающиеся проводимых синдикатом разработок, а особенно прототипы техники, если таковые уже созданы.

– Шершневу справится?

– Его задача – обнаружить базу. Твоя – подготовить Ивана, оснастить его всеми необходимыми для выживания техническими средствами.

– Средства у нас есть. Но на адаптацию к устройствам, имитирующим импланты, ему потребуется как минимум два-три пробных выхода в отчужденное пространство, желательно в составе войсковых групп, для подстраховки. По опыту знаю – подключение расширителя сознания ломает психику, а воздействие метаболического импланта выдерживает не каждый организм. Всякое может произойти.

– Предложения? Время не терпит. Каждый день промедления будет нам дорого стоить!

– Существуют подразделения, осуществляющие регулярные рейды в пространство Пустоши.

– Ивана нельзя «засветить». В составе уже слаженных боевых групп его адаптация станет заметной, вызовет вопросы, поползут слухи.

– Есть одна идея, – подумав, ответил Фирсов. – Подразделение, регулярно сопровождающее грузы в Пустошь. Бойцы там далеко не элитные, всегда есть свободные вакансии. Появление Шершнева подозрений не вызовет. Слишком большая текучка кадров.

– Почему? Высокая смертность?

– Высокие соблазны... – усмехнулся полковник.

– Отчет мне на стол положишь. Подробный.

– Без проблем. Меня волнует другой вопрос: допустим, что Шершневу обнаружит базу. Что дальше?

– Есть предложения?

– Зная точные координаты, мы сможем провести войсковую операцию.

Генерал задумался, затем кивнул:

– Резонно. Подготовь группы немедленного действия. Задействуй достаточно людей и техники для круглосуточного дежурства.

– Последний вопрос. Связь с Шершневым?

– Через меня.

Фирсов не удивился. Почему-то он так и думал. Не исключено, что Новиков действует на свой страх и риск. Впрочем, он-то ничего не теряет. Рискует тот, кто отправляется в Пустошь без должной подготовки.

Угрозы генерала его не пугали. Но и возражать он не видел смысла. Новиков все равно поступит по-своему. Придется действовать параллельно, попытаться подстраховать Шерш-

нева, действуя через сталкеров. Фирсов прекрасно осознавал – по большому счету Новиков прав: если ничего не предпринимать, мир вскоре полетит в пропасть. Если техносиндикат вывезет хоть одно запитанное энергией скоргиума «изделие» за границы Барьера, мало не покажется никому. Род человеческий попросту будет сметен с лица планеты неконтролируемой экспансией постоянно эволюционирующих нанороботов. Надежда удержать их под контролем, в каких-то рамках неизбежно обернется провалом, катастрофой. Любой, кто хоть раз побывал в отчужденных пространствах, должен понимать это. Технос невозможно контролировать. По крайней мере не на уровне современной науки и известных технологий. Можно лишь сдерживать его в границах зон отчуждения, сделать все, чтобы скоргиум не был экспортирован во Внешний Мир.

– Разрешите идти? – Фирсов встал.

– Иди! И не просто иди, а работай, начинай немедленно формировать группы для захвата лаборатории! Когда Шершневу ее обнаружит, времени на раскачку уже не будет!

Фирсов кивнул. Хотел бы он иметь такую же уверенность в успехе.

«А кто его знает? Может, я действительно заиклился на сталкерах? Все же не мальчика Новиков посылает в Пустошь».

Внешний периметр Барьера Пустоши.

Место дислокации 117-го отдельного батальона Изоляционных сил

– Подлетаем!

Военно-транспортный вертолет пошел на снижение. Внизу проносились редкие группы деревьев, меж ними вились укатанные бронетехникой проселочные дороги, петляла речушка, повсюду высились горы ржавеющего под открытым небом металла, вдали виднелись типовые ангары – длинная цепь сверкающих металлических горбин, влажных от утренней росы.

Мутный купол Барьера царил по правому борту, вздымаясь к небесам зримой, клубящейся стеной уплотненного воздуха.

Шершневу равнодушно ждал высадки. Несмотря на погожее весеннее утро и массу новых впечатлений, он не испытывал ни душевного подъема, ни нервозности. Просто смотрел в иллюминатор, не думая о прошлом, не пытаясь представить будущее.

После двух недель, проведенных в медицинском центре спецназа ВКС, где Ивану вживили специально откалиброванные под особенности его организма метаболический и кибернетический импланты, он пребывал в состоянии сосредоточенной собранности, словно стал машиной, ждущей приказа к действию.

На самом деле он ничуть не изменился – таким образом влияли на психику боевые препараты, курс которых Шершневу проходил уже не в первый раз.

Вертолет пронесся над мелководной речушкой, едва не задел посадочными опорами за гребень металлической возвышенности и завис над расчищенной от металлолома площадкой, с ясно различимым кругом, начерченным прямо на земле.

Незнакомый капитан, сидевший справа, попытался заговорить с Иваном, перекрикивая шум двигателя:

– А ты уже бывал там, майор? – Он красноречиво кивнул в сторону Барьера.

Шершневу отрицательно качнул головой, и капитан разочарованно отвернулся. Машина мягко коснулась земли, некоторое время затухающий вой лопастей глушил все звуки, затем наступила тишина, в которой раздался зычный голос пилота:

– Все на выход!

Иван прыгнул на землю, осмотрелся.

Крыши ангаров влажно поблескивали. Серые здания типовых двухэтажных казарм виднелись за ближайшей грудой металлического хлама. Меж гор мусора, поднимая шлейф пыли, в сторону Барьера на приличной скорости промчался БТР. Проводив его взглядом, Шершневу

заметил длинное и узкое, расчищенное от нагромождений металла пространство, где ровной шеренгой стояли древние образцы боевой техники, в частности это были военно-транспортные вертолеты «Ми», возможно, собранные прямо тут, из запасных частей, которыми изобиловали отвалы несортированного металлического хлама.

От осмотра местности его отвлек все тот же зычный голос:

– Ну что застыл? Давай в штаб. Доложишь подполковнику Петренко о прибытии!

Иван обернулся. Пилот указывал рукой на одно из казарменных зданий.

Шершневу не стал спорить, забросил за плечо камуфлированный баул с нехитрыми пожитками и зашагал по едва приметной тропке в указанном направлении.

Кладбище старой техники выглядело безлюдным. В звонкой утренней тишине слышался отдаленный рокот моторов, перекрывая его, где-то поблизости щебетали птицы, ночью прошел дождь, и влажная почва местами превратилась в топкую грязь.

«Совсем не похоже на расположение воинской части», – подумалось ему. По долгу службы Ивану приходилось попадать и в гораздо худшие условия, грязь, нагромождения ржавой техники не выглядели чем-то новым, а вот отсутствие боевого охранения настораживало. Все же расположение отдельного батальона при исследовательском центре считалось режимным объектом.

«Ладно. Поживем – увидим», – мысленно рассудил он, перешагивая через наполовину вросший в землю покрытый окислами металлический обломок, преградивший тропу, ведущую к зданиям.

Миновав очередную гору металлического хлама, Шершневу неожиданно оказался на территории своеобразного музея, расположенного под открытым небом. Вокруг по-прежнему ни души, машины различного предназначения, начиная от сельскохозяйственной, дорожной, строительной техники и заканчивая давно снятыми с вооружения роботизированными самоходными комплексами образца тридцатых годов, выстроились длинными рядами. Кто и зачем организовал тут парковку для списанных, пришедших в негодность механизмов, оставалось лишь догадываться, и он, хмыкнув в ответ своим мыслям, зашагал дальше.

* * *

Над зданием штаба батальона поднявшийся утренний ветерок лениво трепал флаги России и Украины, меж которыми покачивался выгоревший на солнце вымпел объединенных Изоляционных сил.

Шершневу сбавил шаг, осматриваясь по сторонам. Картины, представшие взгляду майора, удручали. Не боевая часть, а сонное царство. У входа в штаб нет ни часового, ни признаков наличия кибернетических охранных систем. Зато на соседней постройке взгляд отыскал любопытную, хотя и неброскую табличку, закрепленную у входа:

«Российская академия наук.

**Полевой исследовательский центр
кибернетических технологий».**

Пока он читал блеклую надпись, утреннюю тишину нарушил резкий глухой удар. Звук шел со стороны исследовательского центра. Иван машинально отступил на шаг, укрывшись за броней древнего танка, а через секунду удар повторился, одно из окон второго этажа вне-

запно брызнуло искрящимся фонтаном стеклопластика, какой-то сферический предмет вылетел наружу, но не упал, а, к немому удивлению Шершнева, завис, медленно вращаясь, на высоте пяти метров от земли. Несколько секунд левитирующий предмет, похожий на футбольный мяч, утыканный шипами коротких антенн, дрейфовал параллельно фасаду здания, затем вдруг покачнулся, описал полукруг и начал полого снижаться, преодолевая сопротивление ветра, двигаясь в сторону обширного технического паркинга.

– Да держите же его! – раздался истошный, полный беспомощного отчаяния крик. За разбитым окном показалась высокая тощая фигура. Молодой парень бессильно погрозил кулаком вслед странному, удалявшемуся от здания устройству.

Шершнев с интересом наблюдал за происходящим. Сферический аппарат, похожий на морскую мину времен Второй мировой войны, обладал неизвестным ему типом движителя, он парил в воздухе, совершая плавные маневры, выписывая круги и петли, словно издевался над законом всемирного тяготения и заодно – над парнем, бессильно грозившим ему вслед.

Завершив очередной вираж, он оказался неподалеку от Шершнева – завис в воздухе, вращаясь вокруг оси, словно был наделен интеллектом и решал, что же делать дальше, в какую сторону направиться?

Иван долго не раздумывал, снял куртку и, маскируясь ржавыми корпусами различных машин, подобрался ближе, затем резким точным движением накинуд импровизированный силек на странный аппарат.

Его маневры не остались без внимания.

– Держите, держите его! – обрадовавшись неожиданной помощи, закричал «хозяин» странного сфероида. – Прижмите к земле! Я сейчас! Только не отпускайте!

Фигура в окне исчезла, а через минуту Шершнев увидел бегущего к нему капитана ВКС. По крайней мере так говорили знаки различия на мятой форме научного сотрудника.

Перепрыгивая через лужи, несколько раз поскользнувшись, он все же благополучно добрался до небольшого технического паркинга, благодарно кивнул Шершневу, тут же вцепившись в куртку, под которой вибрировал корпус странного устройства.

– Вот спасибо! А то бы гоняться мне за ним, пока аккумуляторы не сдохнут! – Он попытался аккуратно освободить аппарат, но куртка прочно зацепилась за выступы антенн. – Денис Измайлов! – представился он, снизу вверх взглянув на Шершнева.

– Иван, – скупко отрекомендовался майор.

– Даже не знаю, как благодарить! Может, вы одолжите мне эту куртку? На время?

Иван усмехнулся:

– Без проблем.

– Лаборатория номер семнадцать. Я там работаю. Заберете куртку чуть позже, да? – Измайлов приподнял устройство, прижал его к груди, как неоспоримую ценность.

– А меня пустят в здание? – поинтересовался майор.

Денис удивленно сморгнул, уставившись на него.

– Вы новенький? – догадался он. – Ну, конечно, пустят! – Денис хотел махнуть рукой, но вовремя опомнился, еще сильнее прижал к себе пытающийся вырваться из-под скомканной куртки шар. – Народа у нас постоянно не хватает, часовых выставляют только иногда, в случае проверок, – пояснил он. – А кибернетические системы слежения так и не установили, сколько я ни просил. Наш старшина – прапорщик Потопейко – половину оборудования уже куда-то «налево» задвинул, – доверительно сообщил Денис. – Так что заходите спокойно, никто не остановит. Второй этаж.

– Я видел, – усмехнулся Иван. – Хорошо, обязательно зайду позже.

* * *

В штабе царило запустение. Гулкие коридоры не отличались чистотой, некоторые двери были распахнуты.

Отыскав нужный кабинет, Шершневу постучал, затем, не дождав ответа, толкнул незапертую дверь.

Длинное полупустое помещение тонуло в полумраке. Иван не сразу заметил командира батальона, подполковник Петренко копался в сейфе, на звук отворившейся двери он не отреагировал, но стоило Ивану приблизиться, как тот что-то почувствовал, нервно вздрогнул и резко, с лязгом захлопнул массивную дверку, едва не отхватив себе пальцы.

– Ну кого тут еще принесло?! – Он обернулся, уставился на майора мутным взглядом. – Стучать не учили?!

«Бардак...» – подумал Иван, глядя на помятую физиономию комбата.

– Господин подполковник, майор Шершневу прибыл для дальнейшего прохождения службы! – негромко, но внятно отрапортовал он.

Взгляд командира батальона немного прояснился, обрел осмысленное выражение.

– Чип давай! – неприязненно рявкнул он.

Иван протянул ему носитель информации. Чего так испугался Петренко? Почему орет, словно ему на мозоль наступили? Служба нервная?

Пальцы командира батальона заметно дрожали. Ладонь поблескивала от пота. Лицо бледное, одутловатое. С похмелья, что ли?

Взяв чип, Петренко грузно сел в кресло за рабочим столом.

– Не подкрадывайся ко мне больше! Не люблю, понял?! – Комбат совершенно не контролировал эмоции или не считал нужным держать себя в руках. – Присылают на мою голову! Ну? Чего ждешь?! Особого приглашения?! Присаживайся. Водку пьешь?

О, как тут все запущено... Шершневу отрицательно покачал головой, хотя для установления рабочего контакта с начальством надо было бы согласиться.

– Либо дюже хворый, либо подлюка!.. – ничуть не смущаясь, просипел Петренко. Видимо, вынес вердикт. – Короче, мне по фигу, кто и зачем тебя прислал! Будешь кочевряжиться или мозг мне станешь выносить всякими рапортами – стною во внутренних караулах, понял?

– Я боевой офицер, – спокойно произнес Шершневу. – В чем проблема?

– Да я тоже боевой! – вновь сорвался на крик Петренко, демонстрируя полную неадекватность. Даже не удосужился считать информацию с чипа. – Примешь третью роту. Там лейтенант Рыжов временно всем заправляет. Капитана Старикова со скоргами в башке в госпиталь увезли на прошлой неделе. Все, свободен, в курс дела тебя Рыжик введет!

Иван встал.

– Разрешите идти?

Петренко тупо уставился на него. Видимо, совершенно отвык от элементарных проявлений дисциплины, раз смотрит такими глазами.

В этот момент дверь кабинета резко распахнулась.

– Петрович, Скунс на связь вышел! Говорит, все готово! Рыжика пошлем?

Лицо комбата побагровело, Шершневу с интересом обернулся. В дверях стоял прапорщик, невысокий, с круглым лоснящимся лицом. Заметив постороннего, он побледнел, осознав допущенную ошибку, но было поздно.

– Потопейко, ты уже пьяный с утра?! Что за бред несешь?! Какой Скунс?!

Прапорщик попятился.

– Я это... дверью ошибся... – пытаюсь исправить положение, промямлил он.

– Пошел вон!

Дверь захлопнулась.

– Урод!.. – Петренко откинулся на спинку кресла. – Некомплект у нас личного состава. Хронический, – с неожиданной сдержанностью пояснил он. – Старшина вечно пьяный шатается, я б его давно под суд отдал, но кем заменить? – Сетования комбата звучали совершенно неубедительно, но Шершневу лишь кивнул, делая вид, что понимает.

– Иди уже. Принимай роту. – Петренко с отрешенным видом забарабанил пальцами по столу, давая понять, что разговор окончен.

* * *

Выйдя из здания штаба, Иван еще раз внимательно осмотрелся.

«Странное место», – вновь подумалось ему. Горы металлического хлама возвышались над покатыми крышами ангаров, вдали тускло светился Барьер, в расположении части поне-многу закипала жизнь, слышался звук двигателей, голоса, доносящиеся со стороны технических парковочных зон.

Где искать казарму третьей роты, Шершневу понятия не имел и потому свернул к комплексу лабораторий. Во-первых, нужно забрать куртку, во-вторых, неплохо бы расспросить Измайлова о странных порядках, царящих тут.

Времени вникать самому нет, а сотрудник военной лаборатории наверняка знает о ситуации в батальоне не хуже других офицеров. Решающий аргумент: с Измайловым уже установлен доброжелательный контакт. К тому же тот увлечен исследованиями и вряд ли придаст значение расспросам.

Шершневу ни на миг не забывал о поставленной перед ним задаче, но прежде чем приступить к ее выполнению, требовалось провести подготовку: осуществить как минимум два «подготовительных» проникновения за Барьер для предварительной активации комплекса внешних имплантов, которыми его оснастили в центре биокибернетики Военно-космических сил. Условие обязательное, причем Шершневу предстояло самому пройти через процесс адаптации к новым типам восприятия, когда информация от датчиков обрабатывается непосредственно в сознании и визуализируется в виде мысленных образов, без участия традиционных вычислительных устройств.

Так воспринимают мир сталкеры, значит, человеческая психика способна к подобным трансформациям, главная проблема заключалась в том, что у Шершнева не было времени на длительную подготовку – поиск террористической группы, возглавляемой Станиславом Радичем, требовал быстрых и решительных действий.

Разовая акция. Иван знал – ему придется несладко. Специалисты ВКС не скрывали: последствия трансформации психики потребуют длительного периода реабилитации, но Шершневу считал риск допустимым, а позицию генерала Новикова – оправданной. Радич не просто так объявился в отчужденных пространствах. Зная его «послужной список», нетрудно предположить: назревает нечто, способное взорвать не только отчужденные пространства, но и весь «цивилизованный мир».

За спиной Радича – финансовая мощь транснациональных корпораций, он прекрасно подготовлен, осторожен, никогда не действует, полагаясь на удачу, тщательно планирует каждый шаг, обеспечивает себе надежное прикрытие, прорабатывает пути отхода, способы информационной и физической защиты. Прежде чем лично появиться в отчужденных пространствах, Радич наверняка наладил тесные связи с военными, сталкерами, торговцами, выступая в разных ролях, прикрываясь различными личинами. Многие, кто сегодня работал на международного террориста, делали это опосредованно, порой не понимая, чему способствуют. В ход наверняка шли любые методы воздействия, начиная от шантажа, подкупа, идеологической

обработки до самых наглых и изощренных способов обмана, например, агенты Радича могли действовать, прикрываясь личиной спецслужб тех стран, на территории которых он проводил очередную акцию.

Прав Новиков. Только автономный поиск в условиях абсолютной секретности способен дать результат. Если Радич поймет, что опознан, или хотя бы заподозрит, что им заинтересовались, он либо свернет деятельность, затаится, либо нанесет упреждающий удар.

Так что никаких лишних разговоров. С любым из офицеров нужно держать ухо востро, тем более что в таких подразделениях, где дисциплина нулевая, чаще всего и вербуются «нужные люди», обеспечивающие коридоры при прохождении Барьера, снабжающие террористов всем необходимым из армейских запасов.

* * *

Лаборатория номер семнадцать больше напоминала мастерскую по ремонту бытовой техники. Сразу от входа начинались высокие стеллажи с различными деталями, узлами и агрегатами, в беспорядке сваленными на полках.

Шершневу совершенно не так представлял полевой исследовательский центр. Он ожидал увидеть тут образцы изделий техноса, обезвреженные при помощи ультрасовременных технологий, стерильную чистоту, как в цехах сборки космических кораблей...

– А, привет!.. За курткой зашел? Я сейчас! Ты проходи!

Иван добрался до центральной части помещения, где возвышался терминал кибернетической системы, окруженный тремя стендами, предназначенными для технических испытаний, сел в одно из пустующих кресел, осмотрелся.

– Ты что, один тут работаешь?

– Угу. – Голос Измайлова доносился из глубин лаборатории, где слышался звук сервомоторов и тонко попискивали датчики. – Кофе пока себе свари, если хочешь. Бытовой автомат видишь?

– Вижу. – Иван не вставая протянул руку, коснулся сенсора. Пока внутри агрегата шли процессы приготовления напитка, он осмотрелся, невольно вздрогнув.

На лабораторном столе, превращенном в подобие верстака, щедрой, небрежной россыпью были разбросаны н-капсулы различных размеров и всевозможных металлических оттенков. Шершневу в первый миг оцепенел при виде такой вопиющей халатности.

– Ты чего такой бледный? Случилось что? – Денис как раз появился в узком коридорчике между стеллажами. Не дождавшись ответа, он по-своему истолковал состояние Шершнева. – Да плюнь ты на комбата, он вечно на всех орет. – Денис небрежно бросил на верстак фрагмент металлизированной кисти человеческой руки, увитой серебристыми тягами сервоприводов. Скрюченные пальцы царапнули по пластику, оставив на прочном материале неглубокие бороздки. – Эй, да ты чего, на самом деле? Я тут! – Он шутливо помахал рукой.

– У тебя н-капсулы рассыпаны... – глухо произнес Шершневу, не узнавая собственного голоса. Резкое и внезапное чувство близкой смертельной опасности резануло по нервам, обожгло ледяным ознобом, а вид фрагмента металлической кисти, наискось обрубленной в районе запястья, только добавил шоковых ощущений.

– Да расслабься! – Измайлов спокойно уселся на край верстака. – Фигни всякой насмотрелся по сферовизору? Ты что, на самом деле испугался? – Он взял н-капсулу, сжал ее в пальцах. – Дикая и ужасная колония эволюционировавших наномашин, – глубокомысленно и в то же время с долей иронии произнес он. – Скорги за Барьером отключаются, – заметив, что Шершневу не до шуток, пояснил Денис. – Вот, к примеру, кисть руки сталтех. Она превратилась в муляж, как только была разорвана связь между составляющими ее нанороботами и глобальным энергополем отчужденных пространств. Видишь? – Он попытался подцепить ногтем

одну из тончайших серебристых тяг, но безуспешно. – Теперь это обыкновенный ком металла, сохранивший форму изделия.

Бытовой автомат с тихим шелестом выдвинул поддон с двумя стаканчиками свежесваренного кофе.

– Так просто? – с недоверием переспросил Шершнев.

– Ну, если вдаваться в классификацию энергополей, говорить о локальных источниках энергии скоргиума и их взаимосвязи с энергетическими потоками, проходящими через гипертоннели Узла...

– Хватит. – Иван поднял руки. – Извини, я не силен в вопросах аномальной энергетики, так что вряд ли пойму объяснения.

Денис широко улыбнулся.

– Вот и я говорю – не бери в голову. Принимай все как есть. Здесь ты в полной безопасности, можешь поверить. Эх, много бы я отдал, чтобы заставить скоргов функционировать за Барьером, хотя бы в лаборатории... – с искренним сожалением вздохнул он.

– Зачем тебе? – Иван мысленно содрогнулся. Он не понимал, почему так остро реагирует на происходящее.

– Я мечтал мнемотехником стать, – неожиданно признался Измайлов. – Да испугался. Дважды за Барьер ходил, но там такая жуть... Не смог перебороть себя и остаться, хотя был вариант. В общем-то, рассказывать нет смысла. – Он махнул рукой. – Сам скоро все увидишь.

– На самом деле страшно? – Иван взял стаканчик с кофе, сделал глоток. Приступ необъяснимой нервозности, тревоги, граничащей с немотивированным ужасом, прошел так же внезапно, как и начался.

– Не страх. Что-то большее. Там, – он кивнул в сторону окна, за которым виднелся купол Барьера, – уже не Земля. Чувствуешь себя как на другой планете. Вокруг происходят явления, не укладывающиеся в голову. Ты понимаешь, что они невозможны с точки зрения здравого смысла, и... начинается массовый психоз. Кто-то цепенеет, не может даже шага сделать, кто-то впадает в ярость, в общем, если в группе нет опытного сталкера или хотя бы военного проводника, все, считай, что шанса выбраться нет. Так многие сгинули.

– И часто боевые выходы?

– Раз в неделю. Завтра колонна пойдет. Мы тут очередной «подарок» скоргам подготовили, надо в пространство его доставить.

– Что за «подарок»?

– Да комбайн старый переоборудовали, аппаратурой нашпиговали. Все как обычно.

– А кто пойдет, не знаешь?

– Рыжик, кто же еще?

– Лейтенант Рыжов? – уточнил Иван.

– Ну да, мы его Рыжиком зовем.

Шершнев допил кофе, встал.

– Пойду. С офицерами еще нужно познакомиться, дела принять.

– А тебя куда назначили? – спросил Измайлов, протягивая Ивану его куртку.

– К Рыжику твоему, – усмехнулся Шершнев.

Денис пристально взглянул на майора.

– Ты поосторожнее с ним. Дела он какие-то с комбатом крутит. В общем – я тебя предупредил. Вообще-то народа у нас негусто. Финансирование на полевые исследования недавно урезали, вот я один на хозяйстве пока остался. Да и батальон – одно название. По два-три офицера в роте, вот и весь личный состав, представляешь?

– А как же боевые выходы?

– Контрактников из соседней части присылают. В общем, ты не тушуйся, осваивайся. И заходи, мне пока новую бригаду техников не пришлют, даже и поговорить-то не с кем. Вон про «Лёвика» расскажу. Прикольный аппарат.

– «Лёвик» – это тот летающий шар?

– Угу. Сокращенно от «левитатор». Технология скоргов, между прочим. Недоработана пока, но уже кое-что получается.

– Да уж видел, – с усмешкой поддел его Иван. – Ладно, будет время, зайду.

* * *

Казарма, в которой располагалось офицерское общежитие, выглядела неказисто. Стены здания потемнели, на них виднелись отчетливые разводы сырости, грязные окна без занавесок смотрелись уныло.

Ни часового при входе, ни дневального в коридоре. Первое, что попало на глаза, было ржавое ведро. Затоптанный пол со следами грязи и глины не мыли, наверное, год.

Офигеть. Середина двадцать первого века... – Иван сокрушенно покачал головой, глядя на ржавую емкость. Рядом валялась сломанная пластиковая швабра.

Зная типовую планировку казарм, Шершневу направился через сумрачный коридор к холлу, куда выходили двери канцелярии, комнаты отдыха и оружейной.

В холле играла музыка. Несколько пыльных пластиковых растений стояли у огромного панорамного окна, за сдвинутыми журнальными столиками, на обшарпанном диване сидели трое офицеров. Все лейтенанты.

«Один из них наверняка Рыжов», – подумал Иван, глядя, как высокий усатый «летеха» разливает водку.

На столе валялись надорванные упаковки сухпайков, горкой лежали галеты, сиротливо и неопрятно истекала сомнительным ароматом вскрытая банка рыбных консервов.

Появления майора никто не заметил. Лейтенанты выпили молча, угрюмо, никто не сказал тоста, лишь шумные выдохи после принятия спиртного нарушили странную ненормальную тишину.

– Господа офицеры?

Усатый лейтенант вскинул голову, зачем-то осмотрелся по сторонам, видимо, выпито уже было немало. Только окинув взглядом все помещение, он заметил Шершнева, но никак не отреагировал на появление старшего по званию.

– Рыжик, наверное, к тебе.

Рыжов, сидевший спиной к Ивану, обернулся.

– Чего надо? – сипло спросил он.

– Чего надо? – Шершневу прищурился. – Чтоб ты встал и доложил по форме! – неожиданно рявкнул он.

– А ты кто такой?

Марать руки о пьяного лейтенанта Иван не собирался.

– Твой новый командир, – сдержав растущее раздражение, ответил он. – Что за бардак тут творится? В курсе, что завтра боевой выход? Где личный состав роты?

Рыжов немного протрезвел, но не настолько, чтобы проникнуться всей остротой ситуации.

– Личный состав весь тут, – криво усмехнулся он. – А ты, майор, не ори, присаживайся, выпей. Выход боевой никуда не денется, к утру будем как огурчики. Семенов, чистую стопку найди для майора.

Шершневу шагнул к столу.

Бутылка со спиртным была только одна, он взял ее, швырнул на улицу через открытую створку окна.

– От боевого выхода отстранены. Все трое. Хоть вы и «рота»!

На этот раз Рыжова проняло. Хмель отчего-то выбило из головы лейтенанта, он привстал, побледнев.

– Ты, майор, здесь поосторожнее! – его щеки внезапно побагровели. – Без меня один хрен колонна с места не сдвинется, понял?

В другой ситуации Иван просто отметелил бы всех троих, но тогда боевой выход точно отменят, а торчать здесь среди грязи и бардака, в ожидании, пока пришлют кого-то взамен трех «выбывших» офицеров, ему вовсе не улыбалось. Задание – прежде всего.

– Слушай внимательно, лейтенант. Колонну поведу я. Если сейчас же не прекратите пьянку, ты у меня сгниешь тут дневальным, и комбат Петренко тебе не поможет.

Рыжов с вызовом взглянул на Шершнева, но, поймав взгляд майора, внезапно потупился, поутих, словно понял, что тот выполнит обещание.

– Ладно. Завязываем. – Он хмуро взглянул на собутыльников. – Всем по койкам. Отсыпаться до утра.

Те нехотя встали, пошатываясь покинули холл.

– Ключ-карту от оружейной комнаты. – Иван требовательно протянул руку.

– Резкий ты, майор. Не уживемся. – Рыжов протянул ему пластиковый прямоугольник, даже не потребовав подтверждения полномочий. – Утром увидимся. Комнат свободных полно, занимай любую.

* * *

Ночью Иван долго не мог уснуть.

Тревожил предстоящий боевой выход. Знакомство с личным составом роты его не порадовало, хотя кто знает, может, у лейтенантов и был повод надраться.

Он лежал, гоняя по кругу мрачные мысли. По потолку комнаты в офицерском общежитии то и дело пробегали отсветы, словно неподалеку бушевала беззвучная гроза. В принципе на поведение Рыжова можно наплевать. Иван не сомневался, утром лейтенант будет трезв и зол. Рота, состоящая из трех офицеров, это как понимать? Либо огромные боевые потери, либо такое положение вещей кому-то очень удобно. Вообще, подразделение крайне странное.

Незадолго до полуночи он встал, оделся и вышел на улицу.

Окрестности заливал бледный призрачный свет, исходящий от купола Барьера. Иван присел, глядя, как беззвучные вспышки рвут небеса, подсвечивают облака, выхватывая из мрака клубящиеся эфемерные фигуры.

«Сталкеры уже не люди...» – фраза Новикова засела в сознании.

А кто же они?

Огромные объемы имплантированной информации, которая могла потребоваться по ту сторону Барьера, пока что не находили осмысленного понимания. Там, за рубежом гравитационной аномалии, властвовала вырвавшаяся из-под контроля людей техносфера. Сталкеры научились противостоять ей, но почему кто-то решил, что они утратили все человеческое?

Новиков наверняка все усложняет. Там – он взглянул в сторону источающей бледный свет стены – лежит неизвестная нам земля, где условия выживания давно перешагнули грань экстремальных. А люди приспособились к ним, стали жестче, но вряд ли утратили все человеческое.

Откуда у боевого офицера, прошедшего через множество горячих точек, такие мысли? Разве мало он видел жестокости и бесчеловечности?

Очередная вспышка пронзила мутную стену уплотненного воздуха прожилками энергетических разрядов, на миг превратив Барьер в нечто осязаемое, похожее на зеленоватый мрамор.

Там неизведанная территория. Явление, которого мы будем страшиться, пока не сумеем постичь.

Шершневу еще долго сидел, глядя, как беззвучные молнии освещают окрестности, выхватывая из ночной тьмы горы металлического хлама.

Нацеленный на выполнение задания, он пока что не понимал главного – там, за Барьером, уже не Земля.

* * *

Утро выдалось погожим, солнечным.

В расположении 117-го батальона царил деловой суета, был слышен рев тяжелой техники, в небе над расположением части дважды проносилось звено модернизированных Ка-85 «Пустельга».

Тускло сиял Барьер. Если в ночи стена воздуха, уплотненного в толще гравитационной аномалии, выглядела угрожающе, то сейчас лучи теплого майского солнца стирали остроту ощущений. Туман в низинах уже рассеялся, и серая клубящаяся, пульсирующая масса выглядела как атмосферный фронт, изредка подсвечиваемый зарницами молний, бьющих где-то в его толще.

У распахнутых ворот ангара застыли боевые машины. Облитая черным глянцем активной брони БМД резко поворачивала башню, тестируя приводы наведения. Спаренное импульсное орудие и тяжелый лазерный излучатель обеспечивали достаточную огневую мощь для успешного противостояния «изделиям техноса». Кроме того, адаптированная к условиям отчужденных пространств машина была оснащена двумя генераторами электромагнитного импульса, по бортам располагались сборки пусковых ракетных установок и устройства сброса ложных целей.

Слабым звеном боевой машины считалась кибернетическая составляющая. Современные автоматические системы, давно и по праву господствующие на полях сражений, на границе Барьеров уступали место человеку. В непредсказуемых условиях отчужденных пространств электроника часто отказывала. Обилие аномальных энергополей, блуждающие искажения, сотни иных пагубных для кибернетических устройств факторов в первые годы после катастрофы стали причиной массовых потерь техники.

Лейтенант Рыжов прохаживался вдоль борта боевой машины, нетерпеливо поглядывая в сторону штабного здания. Как и предполагал Шершневу, на его сосредоточенном лице не было заметно следов похмелья. Современные препараты действительно творят чудеса.

– Чего ждем? – Лейтенант Дягилев, механик-водитель ведущей машины, по пояс высунулся из люка в лобовом скате брони.

– Да новый ротный, будь он не ладен. – Рыжов сплюнул. – Вчера только прибыл, а все туда же. Сидел бы себе в штабе, так нет, нервы ему пощекотать захотелось.

– Так ты сегодня у нас типа заместитель?

– Рот закрыл, – огрызнулся лейтенант и, чтобы не продолжать неприятный для него разговор, медленно направился вдоль колонны, придирчиво осматривая выстроившуюся технику. За ведущей машиной, урча двигателями, возвышалась громада самоходной платформы с установленным на ней комбайном производства прошлого века. Отреставрированная сельскохозяйственная машина была под завязку набита различными современными устройствами, запаянными в герметичные капсулы из активного пластика, оснащенными передатчиками М-связи.

Задача боевого выхода была предельно проста. Самоходная платформа, способная преодолеть трехкратную гравитацию Барьера, доставит гибридный механизм в аномальное пространство. Там его разгрузят и отдадут на растерзание техносу, а установленные внутри комбайна контрольные устройства будут фиксировать процесс атаки скоргов на древний механизм, отслеживать все структурные изменения и передавать информацию через мью-фонную сеть в режиме реального времени.

Для ученых, не первый год бьющихся над загадками эволюции техноса, подобные эксперименты служили едва ли не единственным достоверным источником данных. Каждый механизм, доставленный в зону отчуждения, снабжался специальным маячком, способным передавать сигнал уже после захвата контрольного образца скоргами и отказа всех установленных внутри устройств. Таким образом удавалось отслеживать все перемещения «новорожденного изделия». Финальным этапом любой операции подобного рода становилась попытка захвата перерожденного скоргами механизма, его нейтрализации и транспортировки за пределы периметра Барьера в специально оборудованные полевые боксы, где ученые разбирали механическую тварь, что называется, до винтика, проводя уникальный сравнительный анализ исходного образца, полученных через сеть данных и конечного продукта, созданного эволюционировавшими наномашинами.

Рыжов никогда не считал себя фанатом науки. Для него это был обычный боевой выход, да и беспокоили лейтенанта совершенно иные проблемы.

– Паша, стой!

Рыжов обернулся.

Старшина Потопейко, окликнув его, тут же отступил в тень, скрывшись между ангарами. «Запаниковал, сука», – неприязненно подумал лейтенант.

Потопейко ничем не рисковал, никогда не участвовал в вылазках, но он имел связи среди сталкеров и, что самое важное, вовлек в «бизнес» комбата Петренко, с которым служил вместе уже не первый год.

– Ну чего тебе? – В другой ситуации лейтенант послал бы жадного и трусоватого прапорщика куда подальше, но неожиданное желание новоиспеченного командира роты участвовать в боевом выходе сломало все планы по доставке груза из-за Барьера, и это обстоятельство заставило Рыжова унять неприязнь.

– Тихо ты. Не ори, – шипло прошептал Потопейко.

– А ты не свети меня перед всей колонной! Мог бы и сам подойти. Хоронишься по углам, как крыса.

Прапорщик молча сглотнул, только на лице вдруг выступили пунцовые пятна. Сравнение с грызуном ему совершенно не понравилось.

– Смотрю, ты больно наглый стал, Рыжов.

– Я жизнью рискую.

– Ну, этого не отнять, – неожиданно согласился Потопейко. – Ты, Паша, еще раз выстебнешься – будешь жизнью рисковать за зарплату, по контракту, понял?

Рыжов с трудом удержался, чтобы не заехать прапору в морду. Нервы и так на пределе.

– Говори, зачем звал?

– Сегодня колонну обстреляют. Сразу, как пройдете Барьер.

– Ты совсем охренел? Кто?

– Наемники. Я договорился.

– Ваня, ты сегодня пил с утра? Или у тебя окончательно крышу снесло? Ты *нас* заказал наемникам?! – Рыжов просто обалдел от подобной выходки старшины. – И спокойно сообщал об этом мне?!

– Дурак ты, Рыжов. С вами новый ротный отправляется, так ведь?

– Ну да.

– И как ты при нем станешь груз забирать? Подумал об этом?

– Пока не знаю.

– А вот я подумал. Повторяю – будет обстрел колонны. Шершневу мужик резкий, говорят, в спецназе служил. Не усидит, начнет командовать. Ты ему не перечь. Пусть инициативу проявит. Его снайпера снимут по-тихому.

– Ага, а мне потом со службой собственной безопасности разбираться?! Ловко ты придумал! Я командую колонной, не забыл? Всех собак на меня повесят!

– Формально сегодня боевой выход возглавляет Шершневу. Приказ комбата. Так что ты вроде и не при делах.

Рыжов на секунду задумался, затем кивнул:

– Другое дело. С трупом что? Назад везти?

– В зоне оставишь.

– Интересно, каким образом? Что я бойцам скажу? Отдам приказ? Ты в курсе, что не все экипажи тобой куплены?

– В курсе. Но ты не дрейфь. Место выбрано правильное, у «мертвой петли». Шершневу будет в головной машине. Как только в поворот войдете, наемники устроят шум. Ну, постреляют по броне для пущей правдоподобности.

– А толку?

– Все будет нормально. Майор во всех горячих точках за последние десять лет побывал. Он нашей специфики не знает. Платформа движется медленно, это ограничит его в маневре. Выход у Шершнева остается один – принять бой. Вот. – Потопейко протянул Рыжову крохотное устройство – маячок. – Прилепишь майору на броню, чтобы снайпера целью не ошиблись. Как только его снимут, поставь помехи. Чтоб на записи событий все выглядело чисто. Наемники его в «жестянку» утащат, там и бросят. Остальное доделают скорги. Понял?

Рыжов усмехнулся. «Надо взять на заметку. Потопейко сволочь еще та. Может и со мной когда-нибудь такой же фокус выкинуть».

– Ладно, сделаю.

– Вот и ладно. Нам проблемы не нужны. Бизнес налажен, зачем лишних людей в него вводить?

– Все, пошел я. – Рыжов спрятал маячок и, развернувшись, зашагал назад, к колонне.

* * *

Через полчаса конвой, наконец, начал движение.

Сразу за металлическими холмами дорога сворачивала вправо.

– Идем параллельно Барьеру, через два километра – блокпост. Сегодня там дежурит наша смена.

Шершневу кивнул. Он заранее изучил маршрут. Преодоление гравитационной аномалии возможно лишь на узких участках, где инженерные войска укрепили сохранившиеся дороги, приспособив их для продвижения тяжелой техники.

– Лейтенант, принимай командование, – неожиданно приказал он. – Я наблюдаю.

«Вот тварь...» – Рыжов похолодел. Похоже, незамысловатый план старшины трещал по швам.

– Будете наблюдать из тактического отсека? – Лейтенант постарался, чтобы вопрос прозвучал насмешливо.

– Пока ограничусь телеметрией. Дальше посмотрим, – не отреагировав на колкость, спокойно ответил Шершневу.

Конвой двигался медленно. Скорость самоходной платформы не превышала пяти километров в час, и до блокпоста добрались только к одиннадцати часам утра.

Дорога плавно повернула, и стена Барьера вдруг начала неумолимо приближаться.

Перед блокпостом почва вздымалась первой волной искажений. Серая лента дороги плавно изгибалась, поднимаясь на возвышенность, и исчезала в мутной клубящейся субстанции.

«Граница другого мира», – невольно подумал Иван. Многие понятия, которыми спокойно оперировали рядовые бойцы, пока что не находили адекватного отклика в его сознании. Он чувствовал необычное нервное напряжение, серая клубящаяся стена обещала неведомое, как ориентироваться, если видимость не превышает полуметра, а двигаться придется практически в границах сплошной облачности?

Надежда только на приборы?

Он перевел взгляд на голографический экран.

Сканеры работали исправно. Трехмерная модель местности медленно перемещалась в сфере голографического воспроизведения, центральной точкой являлась боевая машина десанта, граница зоны эффективного сканирования уже углубилась в аномалию Барьера: Шершневу увидел контуры рельефа, вздыбленного титаническим ударом первой пульсации, в сентябре 2051 года, тонкую ленту дороги, прорезающую искажения.

«Уму непостижимо, какие силы буйствовали тут в момент катастрофы, при формировании отчужденных пространств», – подумал он, переключая внимание на структуру защитных сооружений.

Укрепления блокпоста, врезанные в застывший пологой волной вал остекленевшей почвы, выглядели внушительно. Десятки долговременных огневых точек, рассчитанных на ведение круговой обороны, занимали цепь господствующих высот. Некоторые элементы бункеров были вырезаны в стеклообразной массе при помощи лазеров, иные достроены в виде полусфер из армированного бетона, залитого между листами внешнего и внутреннего бронепокрывтия, – куда ни посмотри, везде опытный взгляд Шершнева находил замаскированные амбразуры, закрытые вставками из прозрачного бронепластика, комплексы датчиков в кожухах из полимерного материала, внешне похожие на обкатанные водой продолговатые булыжники, массивные герметичные двери, врезанные в стекловидный материал искажения, зевы тоннелей, запечатанные гермостворами многотонных ворот.

Колонна остановилась, заработал монитор связи.

Лейтенант Рыжов вопросительно посмотрел на Ивана, но тот не стал вмешиваться, жестом указав – действуй, ты командуешь.

Процедура проверки не заняла много времени.

Колонна возобновила движение, втягиваясь в теснину между укреплениями.

– Каким образом нас проверяют?

– По обе стороны дороги установлены мощные сканирующие устройства. Дежурный офицер видит на контрольных мониторах трехмерные модели.

– Все до последнего винтика каждой машины?

Рыжов кивнул. Ему не очень-то хотелось развивать тему.

– Выходит, дорогой пользуются только военные?

– Дорогой пользуются все, кто о ней знает, – уклончиво ответил лейтенант.

– И караваны контрабандистов? А как они проходят проверку?

– Они сворачивают загодя. Ни один дурак не пойдет через блокпост. Есть утвержденный суточный список людей и техники, кому разрешено движение через зону Барьера. По всем остальным огонь открывается без предупреждения.

– Значит, существуют тайные тропы, ведущие через искажение?

– Естественно.

Шершневу вновь повернулся к секции голографических мониторов.

Боевая машина уже миновала блокпост, все вокруг затопила пепельно-серая пелена, снаружи дул сильный ветер, диаметр сферы эффективного сканирования резко уменьшился, внешние микрофоны передавали невнятный шум: отдаленное завывание ветра и тихий монотонный шорох.

– Что за звук? – Иван выделил интересующий его шум из общего фона.

– Микромашины, – скупое ответил Рыжов.

– В смысле?

– Воздушные потоки несут миллиарды наночастиц.

– Они опасны?

– Нет. Скорги отключаются примерно в километре от внутренней границы Барьера. Они не способны функционировать вне энергетики Узла, а она гаснет в толще гравитационной аномалии.

– Я слышал, что импланты сталкеров работают за Барьером на небольшом удалении от его внешней границы, – заметил Шершневу.

– В случае со сталкерами скорги используют запас имплантированных накопителей.

– «Сердце зверя»? Артефактный энергоблок? И на сколько времени его хватает?

– Заряд сохраняется около суток. После все импланты отключаются. – Рыжов повернулся к соседней панели кибернетической системы. – Мне нужно контролировать навигационный компьютер. Скоро начнут сбойть сканеры, – как бы извиняясь, пояснил он.

Иван кивнул, продолжая наблюдать.

Голографическое изображение местности подавляло рассудок. Вокруг вздымались застывшие волны искажений, как будто боевая машина двигалась через бушующий океан, скованный внезапным холодом. Чудовищные силы, в первые секунды катастрофы размягчившие земную твердь, двигались от центра отчужденного пространства к периферии, но здесь, в зоне аномально высокой гравитации, они столкнулись с неодолимым препятствием – формирование Барьера поглощало аномальную энергию Узла, и искажения застыли, образуя складчатость, похожую на стереоснимок океана в момент шторма.

Старая дорога, которую сила пульсации подняла на высоту ста пятидесяти метров, каким-то чудом сохранила покрытие. Она тянулась по гребню остекленевшего образования, повторяя замысловатые изгибы деформированной реальности. Вокруг куда ни глянь простирался мертвый ландшафт. В низинах лежал толстый слой пепла, многочисленные трещины рдели отсветами подземного огня, кое-где виднелись очертания руин городской застройки, пару раз Иван видел неповрежденные здания – одно лежало плашмя, второе возвышалось над гребнем искажения.

– Откуда здесь взялась городская застройка? – сдерживая эмоции, спросил Шершневу.

– Первой пульсацией принесло, – не оборачиваясь ответил Рыжов. – В момент катастрофы между отчужденными пространствами перемещались миллиарды тонн вещества, – пояснил он. – Для Пустоши здания, принесенные из других регионов, – обычное явление.

Иван мысленно содрогнулся. Он не раз слышал, что толща Барьера по сравнению с отчужденным пространством считается территорией безопасной, так что же ждет там, за границей зоны повышенной гравитации?

Дорога в очередной раз начала плавно поворачивать. Колонна двигалась с черепашьей скоростью, вокруг бесновалась пепельная мгла, и только специальные комплексы датчиков позволяли сканировать рельеф и выводить на мониторы отфильтрованное от помех изображение.

Гравитация росла, она достигла двух «g», прежде чем организм начал реагировать неприятными симптомами. Сердце билось неровно, голова кружилась, к горлу подступила тошнота, в ушах возник гул, окружающие предметы вдруг начинали двоиться перед глазами.

Системы сервомускулов боевой брони снимали часть нагрузки на мышцы и кости, но увеличенная сила тяжести воздействовала на весь организм, с каждой минутой становилось

тяжелее дышать, автоматически включились системы метаболической коррекции, встроенные в бронескафандр, но и они не могли сгладить всех негативных воздействий.

Шершневу чувствовал себя прескверно. При тренировках он достаточно легко переносил перегрузки, но разница между кратковременным воздействием и постоянно усиливающимся прессингом оказалась слишком велика.

– Это правда, что сталкеры преодолевают Барьер пешком?

Рыжов кивнул.

– Не только сталкеры, но и «мотыльки», – подтвердил он.

Лейтенанту не было смысла лгать, но стоило взглянуть на обзорные мониторы, как тут же подкрадывалось сомнение. Волны искажений пересекались между собой, наслаивались, разбегались, образуя глубокие впадины и почти отвесные склоны. Поверхность отдельных деформаций покрывала мелкая рябь, их пересекали трещины, ураганный напор ветра ощутимо покачивал многотонную боевую машину.

Дорога втянулась в ущелье. Теперь с обеих сторон вздымались полупрозрачные скалы, сквозь стекловидную поверхность были отчетливо видны вкрапленные в их толщу предметы, а спустя некоторое время в глубине фантастических образований Шершневу разглядел стволы деревьев, обломки зданий и даже отрезки улиц.

На фоне усиливающегося головокружения закрадывалась крамольная мысль: а вдруг этого не существует? Что, если боевая машина застряла где-то в толще аномалии, а все окружающее лишь бред, плод воображения?

Тонко, сдавленно пискнул сигнал.

Световой столбик индикатора датчика гравитации дрогнул и начал медленно укорачиваться, постепенно уходя из красной зоны.

– Прошли пик. – Голос лейтенанта Рыжова прозвучал глухо, видимо, и ему приходилось несладко. – Скоро полегчает, но начнутся другие проблемы.

– Какие? – сипло спросил Шершневу.

– В зоне полутора «же» начинается активность техноса. Первые металлорастения, ловушки, иногда встречаются «изделия». Но основная проблема – скорги.

– Активные наноконплексы?

– Да. Если технари проморгали дефект в защитном пластиковом покрытии – беды не оберешься. Скорги мгновенно атакуют любую брешь. Придется останавливаться, выходить наружу, искать повреждение. – Лейтенант исподволь готовил почву для назревающих событий, рассудив, что выманить майора наружу будет не так и сложно. Достаточно имитировать незначительную поломку или локальное проникновение скоргов. Никуда не денется, пойдет со мной как миленький. Отсидеться внутри ему гордость не позволит.

Шершневу тем временем почувствовал себя лучше. Значения гравитации постепенно падали, система метаболической коррекции продолжала вводить стимуляторы, снимая усталость, возвращая ясность мышления.

– Я слышал, что на границе Барьера угроза исходит и от сталкеров?

– Банды, – обронил Рыжов. – Отребье всякое. За курьерами охотятся. Куда проще, чем самим артефакты добывать.

– Грабят контрабандистов?

– На караваны нападают редко, – охотно ответил лейтенант. – Серьезные грузы обычно сопровождают наемники.

– У них своя группировка?

– Ну а как ты хотел? Сейчас в одиночку сталкерам уже не выжить. Технос эволюционирует, с каждой новой пульсацией появляются новые «изделия», да и действуют они не так прямолинейно, как раньше. А наемники – вообще случай отдельный. Они ведь по большинству не имплантированы.

– И как же они выживают? – заинтересовался Шершнев. – Ведь для «мотыльков» перемещение между пространствами через аномалию Узла связано с огромным риском, верно?

– У наемников в каждой зоне отчуждения создано по нескольку стационарных баз, – ответил Рыжов, манипулируя сканерами, чтобы лучше рассмотреть дорогу. – Работают сменными отрядами. Да и экипировка у них что надо. Не сравнить с нашей. Могут по пять-шесть суток проводить в автономном режиме. Корпорации денег не жалеют.

– А ты откуда все знаешь? Слухи?

– Ну почему сразу слухи? Сам видел. Я год назад в Сосновом Бору служил, в разведке. В рейды часто ходили. С наемниками приходилось пересекаться. Однажды мы их схрон вскрыли, так там настоящий бункер оказался с замкнутым циклом жизнеобеспечения. Так это обыкновенная опорная точка, считай, временный склад. Представляю, как у них базы оборудованы.

«Нервничает. – Шершнева насторожила словоохотливость лейтенанта. – Хотя тут, – он взглянул на мониторы, где картина окружающего постепенно подергивалась рябью помех, – нервы сдадут у кого угодно».

С системами обнаружения действительно творилось неладное. Сфера эффективного сканирования постоянно уменьшалась, визуализация стала хуже, словно пространство сжималось по мере того, как конвой приближался к внутренней границе Барьера.

– Впереди «мертвая петля», – произнес Рыжов.

– Что это значит?

– Дорогу скрутило в серпантин. Сначала три витка крутого подъема, затем затяжной спуск. Гиблое место. Тут часто нападения случаются. Скорость на подъеме падает, вокруг господствующие высоты. – Он указал на пики искажений с вкрапленными в них руинами зданий.

– Ну с нас-то что брать? – резонно заметил Шершнев. – Мы ведь не артефакты переправляем. Военная колонна, поживиться, в общем-то, нечем, а по зубам получить – пожалуйста.

– Как сказать. Тут, сам понимаешь, ягоды да грибы в лесу не растут, подножного корма нет. А жрать каждый день хочется. Да и машины наши в пространствах ценятся. Так что всякое бывает. Могут и атаковать, оружие, снаряжение, сухие пайки для иных сталкеров – уже богатство... – Рыжов вдруг запнулся, затем грязно выругался.

– Что?

Боевая машина притормозила, едва пройдя первый поворот начавшегося серпантина.

– Скорги, мать их!.. Где-то трещина в пластике!..

Иван пробежал взглядом по показаниям датчиков.

На одной из консолей угрожающе тлела россыпь тревожных сигналов.

– Нарушение герметизации?!

– Пока нет! Контакт с дикими наномашинами! Надо выбираться наружу, искать повреждение! – Рыжов отстегнул страховочные ремни, встал с кресла, потянулся за ремкомплектom. – Прикроешь, пока я прореху ищу?

Шершнев недоуменно взглянул на него:

– А что, у нас техников нет?

– Они в замыкающей машине. Колонна встала, надо действовать быстро! Пока их дождешься... лучше самим!

Шершнев окинул взглядом данные тактической системы. Справа и слева возвышенности с вкрапленными в них постройками. Место действительно крайне нехорошее для непредвиденных остановок. Такие участки нужно проходить на скорости...

– Иди, я тебя отсюда прикрою.

Рыжов обернулся.

– Не понял? Ты трусишь?

Шершнев даже не взглянул на подчиненного. Если лейтенант не понимает разницы между орудийным комплексом и откровенно слабыми возможностями «Шторма» – его про-

блемы. Или он решил устроить проверку мне, как новичку? Ну, скорее всего. Тем более – глупо поддаваться на провокации.

Он коснулся сенсора связи.

– Первый, колонне. У нас техническая проблема. Командирам машин – распределить сектора обстрела, перефокусировать датчики на максимальную дальность обнаружения. Перейти на ручной режим управления орудийными комплексами, учесть поправку на гравитацию!

Рыжов почувствовал, как под коленями зародился холодок, что-то неприятно заныло.

«Сука...» – мысленно выругался он, вылезая наружу.

На самом деле никакого контакта оголенного участка брони с наномашинами не было. Обычная уловка, для экстренной остановки. Под консолью установлен дополнительный сенсор, включающий тревогу.

А майор не дурак. Как теперь быть?

Мью-фон лейтенанта тихо шелкнул, подстраиваясь на заранее известную частоту связи. Наемники, с которыми договорился Потопейко, сейчас находились в одном из зданий, вкрапленном в гребень застывшего искажения.

– Летеха, почему один? – раздался вопрос.

– Минуту терпения! Я не смог его выманить. Сейчас что-нибудь придумаю!

С наемниками шутки плохи. Если они впустую вышли на позицию, мало никому не покажется. Такой счет выставят, что будешь бесплатно артефакты полгода таскать.

– Думай. У тебя тридцать секунд. Время пошло.

Рыжов совершенно растерялся. В голове пусто, мысли словно улетучились, на ум ничего не идет, только плещется злоба.

А время уходит. Он машинально прошел вдоль борта, делая вид, что ищет дефект в глянцевице пластика покрытия.

Тридцать секунд промелькнули как один миг.

Сокрушительный удар настиг Рыжова, когда он собирался вновь выйти на связь. Одиночный выстрел, произведенный со стороны руин, со снайперской точностью разнес сервомотор правого коленного активатора, от неожиданности лейтенант дико вскрикнул и рухнул как подкошенный, потеряв равновесие.

Край дорожного полотна, за которым открывалась пропасть, только добавил ужаса – после падения голова и плечи оказались над бездной, он едва не сорвался вниз, корчась, бестолково махая руками. Через пару секунд, очнувшись от шока, лейтенант попытался встать, но приводы правого активатора сервомускулатуры заклинило, и ему пришлось извиваться всем телом, чтобы отползти от обрыва.

«Сволочи... По-своему решили...» – обреченные мысли металась в голове, не добавляя хладнокровия.

На самом деле падение лейтенанта выглядело убедительно и драматично. Полный ужаса вскрик только добавил правдоподобия – он старательно корчился на краю пропасти, не оставляя сомнения, что ранен выстрелом снайпера.

«Уроды... – Мысль, адресованная наемникам, туманила рассудок приступом дикой злобы. – Одно утешает – сейчас все кончится. Выскочит майор мне на помощь, и все, считай, труп!..» – Панический ужас понемногу отступал, пришло запоздалое облегчение: датчики не указывали на разгерметизацию брони, лишь в оперативном окне проекционного забрала тлела схема повреждений сервомоторного узла – аккуратно отработали, сволочи, а ведь могли и не церемониться, по-настоящему пулю всадить для полного правдоподобия.

Отчаянно страшись второго выстрела, лейтенант, извиваясь, пополз к БМД, ожидая: вот сейчас откроется люк, Шершневы высунутся наружу, чтобы помочь ему, получит пулю, и все, наконец, завершится ко всеобщему удовольствию.

Не тут-то было.

Разрывая плотный сумрак, внезапно ударила очередь спаренного башенного орудия. Гребень близлежащей возвышенности вспорол серией разрывов, щелкнул, автоматически переключаясь на частоту колонны, коммуникатор:

– Рыжов, отползай вниз по дороге! Прикрываю!

А майор свое дело знал! Не поддался на уловку, не выскочил наружу. БМД взревела двигателями, рванулась вперед, открывая новый сектор обстрела, одновременно автоматика машины сбросила генераторы ложных целей, кормовая пневматическая пушка отработала в сторону колонны, прикрывая поворот дороги облаком мельчайшей антисканирующей пыли.

Теперь наемники фиксировали только головную машину колонны. Майор сознательно провоцировал их, видимо, одиночный снайперский выстрел не дал ему точного целеуказания.

Поединок нервов выиграл Шершневу.

БМД сбросила скорость, вписываясь в закругление искаженной, скрученной спиралью дороги, когда со стороны руин, расположенных по другую сторону пропасти, полыхнуло два ракетных запуска. Зенитный лазерный комплекс боевой машины отработал безукоризненно, две черно-оранжевые вспышки сверкнули над пропастью, и тут же заработало башенное орудие БМД. Длинные снарядные трассы хлестнули по обнаруженной позиции наемников, на миг превратив гребень соседнего искажения в подобие извергающегося вулкана. Разрывы легли кучно и точно, ослепительное пламя несколько секунд бесновалось среди вкрапленных в остекленную почву руин, снося стены невысоких зданий, обрушивая в пропасть огромные дымящиеся глыбы оплавленного камня.

– Колонне возобновить движение! – Голос майора прозвучал спокойно. – Третьей машине подобрать раненого! Всем – перевести оружейные комплексы в режим автоматического подавляющего огня!

Рыжов изловчился, перевернулся на спину.

Мимо, едва не задевая его траками широких гусениц, медленно ползла самоходная платформа с установленным на ней испытательным образцом. Справа, по другую сторону пропасти, дымились огрызки руин.

«Ну все... Хана тебе, Шершневу...» – озлобленно подумал лейтенант.

* * *

У внутренней границы Барьера колонну встречала группа военных сталкеров.

Сканеры сбоили. Моральное напряжение только усиливалось, а ведь впереди еще пять километров пути через металлические дебри.

Сверившись с маршрутной картой, Иван остановил машину на обширной площадке, специально оборудованной для встречи с проводниками.

Видимость значительно улучшилась, но явление было локальным, искусственно созданным. Площадку со всех сторон окружала серая мгла, по периметру сияли габаритные огни, обозначающие безопасную зону, защищенную неизвестными Ивану артефактными устройствами – именно они отсекали клубящийся серый туман, не давали проникнуть на территорию паркинга ни металлорастениям, ни скоргам.

Группа из четырех сталкеров появилась неожиданно. Вынырнув из мглы, они как будто прошли через незримую стену, оказавшись в защищенном пространстве.

– Рыжик, где тебя скорги носят? – раздался в коммуникаторе басовитый голос. Трое сталкеров остались на месте, старший группы направился к головной машине колонны.

Иван понял, их никто не предупредил о том, что сегодня доставкой «контрольного образца» руководит не Рыжов. Следовало пообщаться, но разговаривать через коммуникатор Шершневу не стал.

– Выставить оцепление, плановая остановка тридцать минут, – приказал он по связи. – Техникам осмотреть машины, доложить.

Выбравшись из БМД, он направился навстречу старшему группы проводников.

– Майор Шершнева. Сегодня я командую операцией.

– Зулус, – коротко отрекомендовался сталкер. – В чем задержка, майор? – тут же осведомился он, глядя, как из десантных отсеков высаживаются бойцы, нехотя расходясь по периметру площадки. Вслед за остальными появился и Рыжов, он, прихрамывая, направился к группе сталкеров, зачем-то отозвал в сторону одного из них.

– По плану операции на площадке положена тридцатиминутная остановка. Проверка технического состояния машин после преодоления Барьера.

– Новенький? – Сталкер прищурился, словно ему в глаза светило солнце. По сравнению с бронекостюмом Шершнева экипирован он был легко – высокие ботинки на толстой подошве, брюки и куртка из прочной синтетической ткани, специальные перчатки, не защищающие фаланги пальцев. Под курткой угадывался легкий кевларовый бронежилет с разгрузочными карманами, на правом плече подsunутая под «погон» виднелась дыхательная маска. – Ты бы сворачивал балаган, майор. У нас времени в обрез.

– Нужно осмотреть машины.

Зулус невнятно выругался.

– Слушай, ничего с твоими машинами не станет. Инструкции в штабах пишут, а у нас времени нет на все ваши регламенты. По маршруту пепельная буря, если тебе интересно. Активный слой все равно обдерет металлокустарниками, за Барьером так или иначе придется броню чистить от скоргов. Так что плюс минус одна царапина сейчас никакой роли не играет.

В принципе Шершнева склонен был согласиться со сталкером, тот наверняка знает, что говорит, но в первом боевом выходе Ивану было необходимо протестировать экспериментальный комплекс внешних имплантов, которыми его «оснастили» в лабораториях ВКС, а для их успешной активации требовалось время. Как раз те самые тридцать минут на включение и тестирование.

– Ничем не могу помочь. Не собираюсь нарушать инструкции.

– Как знаешь. – Зулус ожег его презрительным взглядом и направился назад к поджидавшим его сталкерам. Рыжов как раз о чем-то беседовал с одним из них.

Чтобы не нагнетать обстановку, Шершнева направился вдоль колонны, делая вид, что контролирует работу техников. На самом деле ему нужно было дождаться момента, когда экспериментальный комплекс проявит себя. Все устройства, соединенные с его нервной системой, должны активироваться самостоятельно, при этом не исключены сбои, побочные эффекты и прочие осложнения. Вообще, если бы не внезапный обстрел колонны, Шершнева не собирался отбирать командование у лейтенанта, просидел бы большую часть времени под защитой брони, делая вид, что поглощен новыми ощущениями от знакомства с аномальными пространствами.

«Не вышло как планировалось. Теперь придется изображать из себя педантичного служаку...»

* * *

– Рыжик, ты что, сдурел? Предлагаешь нам грохнуть майора?

– А какие варианты? – нервно огрызнулся лейтенант. – Наемники облажались, а груз забирать надо. Ты сам подумай, какие деньги на кону? Ни тебе, ни мне срыва доставки не простят! На блокпосту наша смена теперь только через две недели будет дежурить!

– Ну а отвлечь его, загрузить товар по-тихому?

– Не выйдет. Он только прикидывается таким тупым. Видел бы ты, как он наемников уделал. Когда в меня пулю всадили, даже не вздрогнул, спасать не кинулся, сразу понял – выманивают его.

– Ну и что было дальше?

– Прикрыл колонну антисканирующей пылью, а сам вывел боевую машину на открытый участок серпантина. Сначала показалось – псих, а на самом деле он их на ракетный запуск провоцировал, чтобы позицию свою обозначили.

– И как?

– Хочешь, сам посмотри, – огрызнулся Рыжов. – На отметке «километр» семьсот метров, напротив «мертвой петли». Может, чем и поживишься на трупах.

– Ты полегче. – Зулус сплюнул. – Мы тебе не стервятники-мотыльки, по карманам шарить да трупы раздевать. Значит, под видом тупого служаки нам спеца прислали? Может, наш канал засвечен?

– Нет. Тут что-то другое. У Петренко в штабе группировки все схвачено. Его бы предупредили. А какой он спец – еще посмотреть надо. Не из робких, понятно, но не факт, что из СБ⁹. Скорее из боевой части к нам перевели.

– А поговорить с ним? Ввести в курс дела?

Рыжов нахмурился:

– Свою долю с ним делить станешь?

Зулус хищно усмехнулся:

– Ладно. Убедил. Нам действительно проблемы ни к чему, да и времени особо на разговоры нет. Сейчас организуем. Только ты, Рыжик, забейся куда подальше, вон за коленку свою схватись, может, еще медаль дадут за ранение.

– Пошел я. Буду в замыкающей машине, там медмодуль установлен.

– И не высывайся, чтоб под раздачу не попасть.

– Ну вы наших-то пацанов не трогайте!

– Не учи. – Зулус обернулся. – Так, особо фантазировать не будем. Майор, может, и повоевал, но в пространствах он человек новый, к тому же неимплантированный. Ты, – он взглянул на сталкера по кличке Птаха, – идешь к периметру, вырубаешь один сектор защиты. Как только мгла ворвется на площадку, ты, – он теперь обращался к метаморфу, – начинаешь манипулировать реальностью. Закрой головную машину искажением, а у границы открытого сектора создашь ложную энергоматрицу. Майор должен направиться туда, думая, что идет на сигнал БМД. Справишься?

Метаморф группы молча кивнул. Задача несложная.

– Ну а мы с Юсуфом разберемся с майором и оттащим его тело подальше в «жестянку». Все остальное доделают скорги. Без имплантов ему в любом случае не выжить.

* * *

Шершневу проверил работу техников и возвращался к головной машине, когда с ним поравнялся Рыжов.

– Как нога?

– Терпимо. Иду в медмодуль. Привод заменили, а колено ноет.

– Ну, давай, лечись, только на связи постоянно, понял? Мне твое мнение может понадобиться.

– Конечно.

⁹ СБ – служба собственной безопасности.

Переговорив с лейтенантом, Иван решил проверить караульных. Встречаться с Зулусом, вступать с ним в прения не хотелось. Прошло уже десять минут, как колонна достигла защищенной площадки, а импланты до сих пор не проявляли активности.

Может, все дело в защитном поле? – размышлял Шершнеф. При первом включении комплекса ему прочили целый букет неприятных ощущений, вплоть до временной потери сознания. Скверно, если такое произойдет на марше. Надо как-то инициализировать комплекс. Может, выйти за периметр защиты? Ну на пару шагов, и сразу обратно?

* * *

– Птаха, готов?

– На месте.

– Вырубай!

Над площадкой внезапно сверкнула зеленоватая зарница.

Шершнеф остановился, не понимая, что произошло, а в следующий миг мгла, беснующаяся за защитным периметром, вдруг ринулась прямо на него. За секунду все вокруг потонуло в плотном сумраке, автоматически заработал БСК, но на проекционном забрале не возникло контуров окружающих предметов, лишь зловещий сигнал сбоя тлел в открывшемся оперативном окне.

Секунда полной дезориентации показалась ему вечностью. Не понимая, что случилось, Шершнеф задействовал М-связь, но ему ответили лишь помехи.

«Неужели самые современные сканеры бессильны в этой мгле?» – промелькнула мысль. Он машинально перефокусировал системы обнаружения, сужая апертуру, тем самым увеличивая эффективную дальность, затем медленно начал поворачивать голову, пока датчики не зафиксировали блеклую энергоматрицу.

Ну хоть что-то! Он направился в сторону обнаруженной БМД, гадая, что же могло произойти с устройствами защиты периметра.

Связь по-прежнему не работала. Из беснующейся мглы вдруг появился полуметровый игольчатый шар, его пронесло мимо порывом ураганного ветра, а через пару секунд не к месту и не ко времени Шершнеф почувствовал признаки активации имплантов.

Он остановился.

Энергоматрица боевой машины по-прежнему находилась в прицеле сканеров, до нее оставалось всего десяток шагов, но мышцы внезапно свело судорогой, сознание помутилось, он с трудом устоял на ногах лишь благодаря своевременному вмешательству системы самостабилизации бронескафандра.

Зрение стало нечетким, расплывчатым.

Сколько продлится недомогание? Помнится, Завьялов говорил, что пару минут, не больше. Первым активируется метаболический имплант, его включение лучше переждать не двигаясь. Затем в порядке очередности – соединенные с нервной системой сканеры и расширитель сознания. Их включение вспышкой боли и судорогами мышц не ограничится, возможны галлюцинации.

Боль тем временем стала слабее, и Шершнеф поспешил к машине.

Сейчас его заботила только одна проблема: необходимо восстановить связь, получить данные о происходящем, принять командование.

Еще шаг, и он остановился.

По показаниям БСК корма боевой машины находилась всего в тридцати сантиметрах, но Шершнеф по-прежнему видел лишь беснующуюся вокруг мглу.

Вытянув руку, он попытался нащупать скошенные бронезащиты системы охлаждения двигателя и едва вновь не потерял равновесие, когда ладонь провалилась в пустоту.

Он не видел, как за спиной возникли две тени. Узко сфокусированные сканеры, ориентированные по направлению движения, больше не контролировали происходящее за спиной, и он пропустил появление сталкеров.

Зулус вскинул короткоствольный «Шторм», выпустил очередь игольчатых пуль в спину Шершневу и, когда тот упал, спокойно произнес:

– Берись, поволокли его в «жестянку».

Глава 2

Пустошь. У внутренней границы Барьера...

Мир без солнца.

Вокруг смыкалась плотная, текучая, непроницаемая для взгляда свинцово-багряная мгла.

Шершневу со стоном перевернулся на спину.

Что произошло?

Он помнил, как колонна остановилась на специально оборудованной площадке, затем произошел внезапный прорыв Пепельного тумана, а дальше...

Полный провал в памяти.

Он медленно повернул голову, осматриваясь.

Вокруг плотной стеной смыкались металлокустарники. Сталкеры называют такие плотные заросли автонов «жестяжкой».

«Что с моими имплантами?» – мысленно спросил себя Шершневу, прислушиваясь к ощущениям.

Мир вокруг прорисовывался расплывчато, нечетко. Он вдруг понял, что воспринимает реальность уже без посредничества комплекса боевых сканеров, обстановку визуализировал его собственный рассудок.

Выходит, расширитель сознания и метаболический имплант успешно инициализированы?

«Похоже, что так. Неужели меня вырубил при включении соединенных с нервной системой устройств? А прорыв Пепельного тумана? Мои блуждания во мгле? Галлюцинации?

Где я и куда подевалась колонна?!»

Перед глазами все двоилось.

Надо встать. Двигаться. Найти обратный путь к защищенной площадке. Мысли о предательстве у него не возникло. Он не помнил удара автоматной очереди в спину, не понимал, как оказался в «жестяжке». Самое простое объяснение – потеря сознания в момент активации комплексов наномашин.

Все шло не по плану. Но ничего... Худшее уже позади.

Взглянув на часы, Шершневу невнятно выругался. Прошло три с половиной часа. «Вот, блин, попал... Вместо того чтобы тихо переждать активацию имплантов под защитой брони, нахватался «глюков», да еще и в «жестяжку» забрел. Хорош командир колонны, ничего не скажешь».

Тревожно оценив ситуацию, он понял, что вряд ли его до сих пор ищут. Памятуя о неприязненном отношении Рыжова и произошедшем накануне конфликте, стоило предположить, что колонна ушла. Иначе его давно бы нашли. Наверняка и этот нетерпеливый Зукус вставил свое веское слово – мол, вам надо, вы и ищите, только на обратном пути, а мне некогда.

Ситуация вроде бы читалась легко.

«Ладно. Отыщу площадку, дождусь своих», – решил Шершневу. Других вариантов не было.

* * *

Иван ошибался, думая, что все самое скверное уже позади. На самом деле, придя в сознание, он не испытал и сотой доли тех адаптационных эффектов, что предлагали ему комплексы внешних имплантов. Первую порцию шоковых ощущений он получил, попытавшись встать.

Тело отреагировало слишком быстро.

Любой из нас совершает большинство движений машинально, не обдумывая их, и только в крайних случаях разум сосредоточивается на предполагаемом действии. Иван начал вставать, внезапно почувствовал резкое головокружение и, уже падая лицом вниз, понял: его мышцы произвели неадекватное усилие, которое тут же приняли к исполнению сервомоторы бронескафандра – за доли секунды он не только встал, но и по инерции потерял равновесие, не удержавшись на ногах.

Ничего себе...

Он вновь перевернулся на спину.

Теперь Шершневу действовало осторожнее, контролируя напряжение мышц.

Со второй попытки ему удалось встать. Некоторое время он придерживался рукой за толстую ветвь металлорастения, затем неуверенно шагнул, продираясь сквозь чашу.

Шаг от шага дело пошло увереннее. Организм достаточно быстро вернул контроль над мышцами, но как поведет себя аналог метаболического импланта при возникновении внезапной опасности? Похоже, корректор обмена веществ только приступил к процессу автоматической настройки.

Заросли металлокустарника раздались в стороны. Шершневу вышел на пологий склон возвышенности. Датчики бронескафандра нервно сигналили о критической близости условной границы Барьера.

Иван замер, пытаясь определить свое местоположение.

Герметичная броня с встроенными сервоусилителями мускулатуры надежно защищала его от воздействия внешней среды – майор застыл, как скала, порывистый ветер бессильно налетал, приглушенно подвывая, сек по забралу гермошлема мелкой каменной крошкой, вездусущая пыль стелилась серой поземкой.

Дрожь медленно ползла по спине.

Непривычные ощущения вторгались в рассудок – дал знать о себе расширитель сознания. Пока вокруг ветвились плотные заросли металлорастений, наномашинные комплексы, имитирующие импланты сталкеров, особо себя не проявляли, теперь же они включились на полную мощность, одновременно устанавливая контакт с нервной системой через специальные адаптеры.

Шершневу понял – придется повременить. Лучше переждать окончательную активацию комплекса не двигаясь.

Несколько минут, пока шла перенастройка датчиков, он чувствовал себя уязвимым и беззащитным. Видимость не превышала полуметра, вытяни руку, и ее тут же поглотит беснующаяся мгла. Обычное человеческое зрение тут бессильно, а индикатор процесса перезагрузки систем, как назло, достиг уровня семидесяти процентов и остановился.

Сбой?

Световой столбик в оперативном окне проекционного забрала дрогнул, вырос на миллиметр и снова замер.

В рассудке вдруг начали возникать обрывочные, невзаимосвязанные воспоминания, словно кто-то вторгся в память Шершнева и наскоро перелистывал страницы его жизни, мимолетно задерживая внимание на каком-нибудь эпизоде. Ощущение неприятное, но знакомое. То же самое происходило в процессе подготовки, когда специалисты военных лабораторий калибровали расширитель сознания.

В голове на миг помутилось, затем окружающий мир внезапно начал обретать краски. Непроницаемая серая мгла стремительно таяла, словно бесноватый, уныло подвывающий ветер поднатужился и рассеял ее, отдавая взгляду контуры близлежащих деталей рельефа: впереди Шершневу увидел покрытый трещинами, немислимо деформированный фрагмент здания,

чуть левее по пологому пригорку пластался низкорослый металлический кустарник, справа вздымался вал остекленевшей почвы, застывший, словно морская волна на фотоснимке.

Он обернулся, пытаясь найти взглядом границу внутреннего периметра Барьера, и тут же поплатился за резкое, необдуманное движение. «Предупреждали же!» – с досадой подумал он, ощутив тошнотворное головокружение. Серая мгла вновь рванулась со всех сторон, перед глазами замельтешили цветные искры. Прошло секунд десять, прежде чем к нему вернулось зрение.

«Тебе потребуется не меньше часа на адаптацию, – тут же вспомнились слова начальника мнемотехнической лаборатории. – Майор, ты должен найти укрытие, переждать, пока твой мозг не начнет быстро и адекватно обрабатывать данные от несвойственных человеку устройств восприятия.

– А как же сталкеры? – не удержался от вопроса Шершневу.

– Многие погибают в первые дни после имплантации, – сухо ответил Завьялов. – Я вообще не понимаю, почему Новиков отправляет тебя на задание без должной подготовки. У нас военные сталкеры по полгода тренируются, прежде чем первый раз пересечь Барьер».

Воспоминания отхлынули, возвращалась четкость восприятия. Шершневу попробовал еще раз обернуться, но теперь уже медленно. Предметы исказились, но не исчезли. Мозг, переключившись на иную сенсорику, получал данные от сканеров, визуализировал их, но пока все происходило медленно, детализация оставляла желать лучшего, да и «картинка» постоянно притормаживала.

Через пару минут головокружение прекратилось, а границы восприятия постепенно начали расширяться, теперь он уже различал некоторые предметы на удалении в десять-пятнадцать метров – явный прогресс, учитывая, что на самом деле мир по-прежнему находился во власти нескончаемой пылевой бури.

«Как здесь вообще могут выживать люди?» – непроизвольно подумал Шершневу, начиная подъем по пологому склону.

* * *

Колонну бронетехники он не обнаружил.

Временная стоянка пустовала, обрамляющие ее устройства не работали, следы траков гусениц занесло вездесущим серым прахом.

«Ладно. – Иван уже мысленно смирился с создавшейся ситуацией. – Отыщу укрытие, пережду, колонна, согласно маршрутной карте, будет возвращаться тем же путем. Вот тогда и поговорим, лейтенант Рыжов», – мысленно пообещал себе он.

По сути, задачу Шершневу все же выполнил. Теперь не было смысла дергаться, импланты активировались, следовало действовать осторожно, обдуманно, использовать время до возвращения колонны, чтобы в какой-то степени адаптироваться к новым ощущениям и возможностям.

Неприятные эффекты тем временем усиливались, да и окружающая обстановка серьезно давила на психику.

Напитанные влагой облака клубились низко, почти касаясь земли, шквалистый ветер гнал их в сторону Барьера, пластал по руинам зданий, смутно проступающим во мгле.

Ветер рвал по нервам. Расширитель сознания играл с его восприятием как заблагорассудится, поочередно усиливая то зрение, то слух, – вот сейчас, к примеру, скрежет ветвей металлического кустарника внезапно стал резким, нестерпимым, он заглушил все остальные звуки до такой степени, что Шершневу почувствовал себя погруженным в недра обветшалого механизма, столетия работающего без смазки.

Затем резко обострилось зрение, мгла окончательно расступилась, он увидел даже невысокие столбики, отмечающие границы внутреннего периметра Барьера, невольно отметил, как аномальная сила гравитации пластала металлические побеги по земле, вытягивая их в сторону мутного купола уплотненного воздуха.

Затем с рассудком начали происходить непредсказуемые метаморфозы.

Довольно четкое черно-белое восприятие реальности внезапно трансформировалось. На несколько секунд сознание помутилось, затем мир обрел зловещие краски: серая хмарь превратилась в багряный сумрак, словно перед мысленным взором майора открылась сюрреалистическая картина ландшафта иной планеты, на фоне которого внезапно начали прорисовываться совершенно невозможные детали – это появились первые энергоматрицы. Сведения об источниках энергетической активности поступали от датчиков, но интерпретировались рассудком.

В результате возникло болезненное ощущение, будто две совершенно разные реальности наслаиваются одна на другую, вызывая чувство мгновенной дезориентации. Дыхание непроизвольно участилось. Щекотливая капелька пота скользнула по спине. Взгляд по-прежнему тонул в серой клубящейся мгле, сминаемой порывами ветра, а мысленный взор проникал сквозь пелену облаков, расширитель сознания вычерчивал рельеф местности, проецируя на него сотни очагов энергетической активности.

С каждой секундой Иван воспринимал все больше подробностей окружающего, чувствуя, что рассудок не справляется. Неповторимая гамма несвойственных человеку ощущений навалилась разом, в один миг, низводя сознание до состояния информационного шока.

«Правильно сделал, что затаился, решил переждать. Хорош бы я был, находясь в движении...» – Мысль скользнула где-то по периферии сознания, голова резко и неприятно кружилась, глаза болели, словно он долго во что-то всматривался.

Потребовалось минут десять, прежде чем рассудок майора начал понемногу адаптироваться, примиря между собой два уровня восприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.